

Сергей
Камов

РОДНЯ И ЗЕМЛЯКИ

Семейные мифы и рассказы

ТЕЛЕГИНЫ – КОРЯГИНЫ – ПОСТОНОГОВЫ – ПЕПЕЛЯЕВЫ

У моей мамы девичья фамилия была Постоногова. Она родилась в удаленной от центра деревушке и выросла в большой многодетной семье. Имея живое образное мышление, она великолепно рассказывала деревенские байки, веселые и трагические истории и всеразличные притчи, которых знала уйму. О грустном и веселом рассказывала она так увлеченно, что рассказы эти запоминались надолго и заставляли переживать. Это умение передалось моей маме от ее отца Ивана Моисеевича. При случае она могла написать и стихотворение. В стихах были и ритм, и рифма – все, как полагается для стихотворного текста. Они были написаны по какому-нибудь поводу и отвечали в полной мере своему предназначению. Эти стихи в большинстве своем были веселыми и озорными. Она их читала на праздничных гуляниях с друзьями, всегда оказываясь в центре внимания. Умение писать стихи и мыслить образно мне передалось от нее. А сколько пословиц и поговорок, имеющихся на любой момент, хранилось у мамы! О невесте, привезенной издалека: «Тот же назём (навоз) – да издалека везен». К другим случаям: «Заставь дурака Богу молиться – он и лоб расшибет», «Надолго ль собаке блин», «Бог шельму метит», «Опомнилась кума, когда ночь прошла». И меткость, и внимательность, и даже озорство видно в этих народных выражениях. Речь ее пестрила всякими «кулёмами», «анчутками», «пустомелями», «квашнями», «толчёнками»... Сколько разнообразия и мудрости хранит русский язык, который постоянно подвергается чужому влиянию и засоряется иностранными словами, без которых моему языку и так просторно! Мой зять, башкир по отцу, в прошлом майор МВД, сидя с газетой в руках, как-то высказался, что нам всем нужно пополнять свой словарь. И первым новым словом в его багаже было слово «ротаация». Возможно, на государственной службе оно и пригодится, но мне-то оно на что? Мама и на такой случай снабдила меня высказываниями, говоря о чем-то ненужном: «Нужна, как собаке пятая нога» или «Таскается с ним (с тем же словом), как кошка с салом».

Окончание. Начало в №2, 2016.

У своей мамы я учился живому русскому языку. Так, например, известный гарнир в меню называется картофельное пюре, а у нас его называют «толченкой» (толочь). Во Владимире, где мне пришлось пожить, это называется «мятушкой» (мять). А сколько ярких народных выражений я слышал от матери! «Грязный, как анчутка» вообще имеет мифологическое происхождение. Меня всегда распекал интерес, а кто же такой этот анчутка? И почему он всегда грязный? В словаре Даля это слово употреблено во множественном числе и обозначает чертенят, приведен один пример: допился до анчутков. До чертиков, значит. А грязный анчутка потому, что в иерархии нечистой силы занимает самый маленький чин, обычный работяжка, на которого свалили всю грязную работу. Жалким и совершенно не страшным запечатлелся он в народном сознании. Удивительно, из каких глубин поднялось к нам это выражение и сохранилось в языке.

Записи о своей постогоговской родне я делал со слов матери. Зимними вечерами она подзывала меня к себе, чтобы ей было не скучно, пряла пряжу или вязала носки, сопровождая работу рассказами. Под эти вечерние байки и притчи я научился теревить шерсть, сбивать масло в деревянной маслобойке и разной другой полезной домашней работе. Летом мама брала меня с собой обмазывать сарай глиной или полоть картошку в большущем огороде. Поспеть за ней в работе было сложно. Я старался не отставать, а матушка, не отрываясь от работы, увлекательно рассказывала о своей жизни. За этими рассказами незаметно заканчивалась работа, с которой, как казалось мне вначале, сложно было управиться и в целый день. Мама, раскрасневшаяся от работы, ставила жирную точку в конце полосы: «Глаза боятся, а руки делают!» Много из рассказанного мамой уже забылось. Но даже то, что осталось, ярко передает картины жизни моей родни.

Моя бабушка, Степанида Антоновна, имела в девичестве фамилию Корягина. Родилась она в ноябре 1911 года в Томской губернии, Барнаульского уезда, Чайской волости (река Чая), в поселке Сойга (Средне Андарминский сельсовет). Ей было десять лет, когда в возрасте сорока лет скончалась ее мать Мария Ниловна (в девичестве Телегина). По словам родных, нелепая случайность стала причиной трагедии. Когда она везла на телеге чужие горшки, на быка бзык (муха, жужелица) напал и стал жалить его. Бык «хватил бежать» и перебил всю посуду. Хозяин горшков сказал моей прабабушке Марии: «Будешь меня помнить всю жизнь». И напустил порчу. Мама пересказывала со слов бабы Степаниды: «На третий день началось... В горле у нее стали петь петухи, корова мычала, раздавались всякие разные голоса. Если рыбу захочет, сразу кричит: «Хочу рыбу!» или другое кричит: «Пес идет!» и подобное. Она убежала из дома, глаза становились шальными, судороги стягивали тело, ночами не могла уснуть, билась в кликушестве, тихо сходила с ума. Мой прадед мучился тоже, глядя на погибающую жену. Вскоре она умерла. После ее смерти он так и не женился, несмотря на то, что был еще достаточно молод. Сильно любил мой прадед Антон свою Марию Ниловну. О смерти моей прабабушки немного по-другому рассказывает мамина сестра, тетя Тамара: «После того как хозяин горшков напустил порчу, к бабушке Марии позвали священника, который изгонял бесов. Когда тот стал подходить ближе к бабушке, изнутри ее всю шевелило и урчало: «Вон он идет! Вон идет!» Беса священник прогнал, бабушка поправилась, но вскоре заболела тифом и умерла от тифа».

Тяжело было моему прадеду, одинокому вдовцу, растить детей. К тому же он хромал на одну ногу. Ростом он был невысок, крепок собой и обладал страшной силищей. Легко гнул подкову. Он никогда не участвовал в драках, чтобы ненароком никого не убить. Про моего прадеда сохранился интересный эпизод в пересказе моей мамы: «Прознал один силач про село, в котором жил наш дед Корягин, будто там много живет богатырей. И поехал к ним, силой хотел померяться. Дед Антон тем временем быка разделявал, которого только что зарезал. Он под руку и попался тому силачу, которому не терпелось узнать, где живет такой-то и как его найти? Дед Антон как раз в руке держал заднюю бычью ляжку, так ею и указал, как указкой в ту сторону, где живет местный богатырь. Тот силач развернулся и не стал знакомиться с местным богатырем: раз простой мужик в одной руке такую тяжесть держит, то что можно ожидать от богатыря!»

Фамилия Корягин как нельзя кстати подходила моему прадеду. В популярном этимологическом словаре Юрия Федосюка «Русские фамилии» дается такое пояснение этой фамилии: «Корягой могли назвать крепкого, приземистого, жилистого человека».

Мой прадед Антон хорошо умел играть на гармошке. В селе Корягиных все уважали и любили. Это были верующие люди. Сам прадед Антон запомнился родственникам как добрый и хороший человек. В их семье сильно любили детей и никогда их не били. Говорили, что прадед был учителем, но тогда мне не понятно, как в его семье моя бабушка могла остаться неграмотной? Скорее всего эта версия не соответствует действительности. А вот дочь свою Степаниду он мечтал отдать замуж за сельского учителя, который жил тогда у них в селе. Но не судьба. Повстречался ей на пути мой дед. И сбежала с ним Степанида Антоновна. Свадьбу сыграли «убегом», скромную, как и бывает в таких случаях. Сильно переживал о дочери мой прадед, плакал горькими слезами. Ведь после смерти любимой жены один он воспитывал четырех детей. Кроме Степаниды в его семье выросли – Дарья, Иван и Савелий, который погиб в Великую Отечественную войну. На этого Савелия, по словам родни, я и похож.

Мой дед, Постоногов Иван Моисеевич, родился в ноябре 1906 года в Томской губернии, Барнаульском уезде Маслянинской волости в деревне Мочи́ги (в военном билете – в селе Петени). Возле этой деревни бежали три речки, и это все, что мне известно о ней. Здесь родились, не считая моего деда, еще пять его братьев и сестер. Старшая Екатерина 1901 (1902) года рождения, у которой было 15 детей. Брат Федор 1903 года. Третьим родился в ноябре 1906 года мой дед Иван (но по документам он числится с 1909 года). В 1909 году – Павел (по документам – ему тоже убавлено три года). В 1910 – Арина, у которой было два сына и одна дочка, в феврале 1918 года – Аксинья (так сообщает ее младшая дочь Валентина Куклиновская, а со слов моего деда – Аксинья родилась в 1912 году). У младшей, любимой дочери Моисея Ивановича, Аксиньи было пятеро детей: Людмила от первого мужа Александра Хромова, что погиб на фронте в 1944 году, и Молчановы – Александр, Раиса, Любовь и Валентина. Про постоноговскую ветку моей родни сохранилось несколько больше сведений, чем о родне со стороны Корягиных. Память о корнях с этой стороны оказалась более глубокой и позволила мне провести небольшое исследование, которое прояснило некоторые моменты моей родословной.

Позволю себе небольшое отступление о том, что дало мне толчок для более глубоких размышлений на тему родственных связей. Мой земляк, служивший в спецподразделении на Тихоокеанском флоте, принимавший участие в какой-то засекреченной войне на африканском континенте, однажды был вызван к своему непосредственному начальнику, занимавшему крупный пост. Переступив порог, он сделал доклад по форме. Начальник спросил, не догадывается ли старшина Галкин, зачем его вызвали? И намекнул, что его фамилия тоже – Галкин. Смутившись, Александр произнес: «Наверное, однофамильцы». На что начальник ответил: «Запомни, что однофамильцев на самом деле не так много, как мы себе представляем. Просто мы поверхностно относимся к родству». Оказалось, что их родственные корни сходились в кубанской станице Красивой, откуда предок моего друга, один из шестнадцати братьев Галкиных, уехал в начале XX века в составе одиннадцати семей, обосновавших село Красивое на Иртыше. Мой друг рассказал мне еще одну историю, произошедшую там же, на Дальнем Востоке. Будучи в увольнении на берегу, он со своими друзьями оказался на каком-то празднике. Там было несколько крепких стариков почтенного возраста. Один долго к нему присматривался, а потом спросил:

– А ты не Галкин, случайно?

– Галкин, – ответил мой друг.

– Порфирием деда-то звали?

– Да, Порфирием, – удивился Александр. – А Вы как узнали?

– Трудно обознаться, ты же, как под копирку нарисованный, вылитый Порфирий.

Старик этот родом был из наших мест, с Иртыша. Вспоминал, как в революцию «хаживали» они с другом Порфирием по Алтаю, сражаясь с красными. А потом раненого Порфирия оставили под присмотром родни на Иртыше, надежно его спрятав. Этому старику пришлось пройти через всю Сибирь и осесть на Дальнем Востоке. И вот, через много лет, ему удалось встретить потомка своего друга. Господни пути неисповедимы!

Короткий, тяжелый земной путь оказался у моего друга Галкина Александра, царство ему небесное! Он умер, не дожив нескольких дней до своего сорокапятилетия. Даже во время тяжелой болезни он находил в себе силы быть приветливым и никогда не терял духа. Я с благодарностью вспоминаю те дни и вечера в его небольшой избе, когда Александр помогал мне составлять списки казачьих фамилий, рассказывал об односельчанах, восстанавливая живую историю нашего побережья. Прощаясь, он рассказал мне поверье моряков о том, что они после смерти превращаются в альбатросов.

Говоря о нем, я вспоминаю тот яркий момент его жизни, когда он пришел со службы. Высоченный, стройный моряк в черной форме. Я той осенью только собирался идти в армию и с воодушевлением смотрел на подтянутого красавца в морской форме. Пролетела его жизнь с исковерканной судьбой, но остались после него два двухметровых сына, старший Иван и младший Артем, как две капли воды похожий на своего отца.

Возвращаясь к своей постоноговской родне, скажу, что большинство из них были долгожителями. По вероисповеданию – православные старообрядцы. Как известно, «староверы» любили называть своих чад библейскими именами – Иова-

ми, Аввакумами, Исааками, Ионами, будучи по крови русскими. Так и мой прадед Моисей получил свое библейское имя. Он родился в 1861 году. Наша родственница Куклиновская (Молчанова) ошибочно записывает дату смерти Моисея Ивановича 1956 годом. Моя тетя – Наталья Григорьевна (Постаногова), родившаяся в 1959 году, уточняет, что дед на момент ее рождения, был еще жив, и умер осенью 1960 года. Эту же дату подтверждает и моя мама. Она хорошо помнит, что в это время она оканчивала медучилище, что дед сильно болел и дал ей 300 рублей. На эти деньги мама купила себе халат, тапки, шапку и рассчиталась за квартиру. Это очень ценное уточнение и, как бы мне ни хотелось «приукрасить» портрет прадеда, к сожалению, единственное положительное упоминание о нем. Получается, что Моисей Иванович прожил полных 99 лет, в хорошем здравии, сохранив до смерти полный рот крепких зубов и хорошее зрение, свободно вдевая нитку в иголку. По утрам, рассказывали, он съедал стручок горького перца. До глубокой старости крепко парился в бане, и даже молодые не могли его перепарить.

У Моисея были брат Петр и сестра Марина. Все они рано остались без родителей и воспитывались у своей бабушки, которая прожила 105 лет. Родился мой прадед на Урале, в Пермской губернии, Оханском уезде, в деревне Каратал. Пояснения фамилии в словарях нет, но зато в Интернете – масса Постаноговых, и почти все они происходят из Пермской области. Один из этих пермяков поясняет происхождение фамилии как «по-сто-ног», то есть человек, быстро бегающий, энергичный, везде успевающий. Именно таким и был мой дед Иван Моисеевич, который и в 50 лет очень быстро бегал. В книге А. В. Суперанской и А. В. Сусловой «О русских фамилиях» популярно рассказано о том, что в старину община давала прозвища людям, отличающимся от окружающих какими-нибудь особенностями поведения, характера, темперамента и т. д. Видимо, мой далекий предок действительно имел быстрые ноги, за что получил свое прозвище, ставшее впоследствии фамилией. А ограниченность распространения этой редкой фамилии территорией Пермской губернии можно пояснить приверженностью к православию старого обряда, которое «открещивалось» от «мира антихриста» и держалось обособленно. Отсюда же и «плодовитость» – рожать столько, «сколько Бог дал». И все это огромное количество Постаноговых или Постаноговых – моя близкая или далекая родня, и к бабкам ходить не надо, чтобы в этом убедиться.

Женой моего прадеда Постаногова Моисея Ивановича была Пепеляева Агафья Ивановна. Следуя логике, можно восстановить имя ее отца – Пепеляев Иван. Он был женат на Прасковье Ивановне (девичья фамилия забылась). В упомянутой мной книге Суперанской и Сусловой фамилия «Пепеляев» обозначает «того, кто сжигает дотла». Очень интересная фамилия. К тому же очень известная в Сибири – Бийске, Томске, Барнауле и еще в Санкт-Петербурге. Прославилась эта фамилия во времена гражданской войны – два брата из трех возглавляли крупные посты в белом движении. Анатолий Николаевич уже в 27 лет стал генерал-лейтенантом. А старший брат этого «юного генерала» занимал пост министра внутренних дел в правительстве адмирала Колчака. Вместе с Колчаком они были до последней минуты: их расстреляли 7 февраля 1920 года в Иркутске. Имеет ли моя Пепеляевская ветка родство со знаменитыми сибиряками Пепеляевыми? Если предположить, что не имеет, то не слишком ли много совпадений в пересечении этих двух фамилий – Пепеляевы-Постаноговы? После того как закончились последние бои на Дальнем Востоке, и белое движение потерпело поражение, над проигравшими

вершился суд. Анатолий Николаевич Пепеляев, сложивший оружие самым последним из белых генералов на территории России, находился на скамье подсудимых. Вместе с ним в списке под номером 25 числится бывший поручик белой армии Постоногов Михаил Григорьевич, тридцати семи лет, три класса образования, из крестьян Пермской губернии, Оханского уезда, деревни Капустят, женатый, имеющий двух детей. Нетрудно догадаться, что этот Постоногов, скорее всего, является родственником моего прадеда. В Барнауле на мемориале Славы в честь погибших в Великой Отечественной войне есть фамилия Постоногов и несколько погибших Пепеляевых и Попеляевых (думаю, что тут ошибка в написании буквы, как и в написании Постоногов).

Что заставило моего прадеда Моисея перебраться с Урала на Алтай? Возможно – поиски лучшей доли: вряд ли выросшая его бабушка одна могла обеспечить сытое существование трем осиротевшим внукам там, на Урале. В Алтайском крае удалось прадеду моему зацепиться за землю, обзавестись большим хозяйством. Скуповат был мой родственник – рулонами лежала у него ткань, а дети ходили в старенькой одежде. Любил он жесткую дисциплину в своем семействе. Возражений не терпел. Все домочадцы работали сызмальства. Мой дед начал работать с шести лет.

А вот как описывает моего прадеда Моисея Ивановича моя мама: «Дед Моисей был худой, злой, как собака. Красивый, лицо смуглое, волос русый». Бил детей мой прадед смертным боем. Запоминалось это надолго, и каждый мечтал поскорее уйти из родительской семьи на вольные хлеба. Рассказывают, что даже взрослых своих детей поколачивал мой прадед. Особенно строго следил за дочками, чтобы «не принесли в подоле», закрывал их в конюшне на запор. Но не укараулил.

Катерина, старшая сестра моего деда, ушла замуж «убегом». Не могла она уберечься от нападков отца, который страшно избивал ее – «вожжами убивал». Как рассказывает моя мама: «Однажды после очередного отцовского боя, она сорвалась убежать, а рядом озеро было. Туда и побежала она топиться. В то время дядя Кузьма (или Евстигней?) Гуляев поил лошадей. Увидел ее и спас. Так они стали вместе жить. И прожили до самой старости. Все она его вспоминала и хвалила мужа своего. В Пепеляевскую родню уродилась Катерина, была глубоко верующей и доброй женщиной, и молилась за всю свою семью, за всех Постоноговых, отмаливая отцовы грехи. Осела она где-то под Новосибирском. Было у них много детей, только живых было пятнадцать – десять дочек и пять сыновей. Остальные на войне погибли».

Самовольно сбежала замуж и Арина. Запираемая отцом в сарае, она сделала подкоп под стеной. Любил паренек ее шибко, подждал в назначенный момент в лесу. Ей повезло – попала она в добрую семью, где жилось ей хорошо. Научили ее писать, читать и деньги считать. Места себе не находил Моисей после «убега» Арины, бесился, зверем расхотился, мечта расправиться с неизвестным зятьком, искал его, пообещав, что вместе с ним заодно спалит деревеньку, в которой тот живет. Подкарауливал прадед и саму Арину, убить хотел. Да не случилось, слава Богу!

Прабабушка моя Пепеляева Агафья Ивановна родилась в 1869-м, а умерла в 1953 году. В отличие от своего мужа, была она человеком добрейшей души. Вспоминают, что она умела лечить заговорами. Но даже добрый характер этой терпеливой женщины не мог сгладить жестоких наклонностей мужа, которого

хорошо знали далеко за Мочагами. Вот почему плакал горькими слезами Корягин Антон, зная наперед, на что обрекает себя его дочь, выходя замуж за сына того самого Моисея. Из доброй семьи страшно было отдавать лелеемое дитя к Постоноговым. Но напрасно волновался мой прадед, на любви и глубоком уважении построилась молодая семья. Иван ни разу за свою жизнь даже пальцем не тронул любимую Степаниду. В присутствии моего деда, по рассказам его детей, никто не имел права слова плохого сказать в сторону женщины, не говоря уже о кулачных расправах.

Какой же надел получил в наследство от небедного отца мой дед, будучи молодым женихом, в счастливый год обретения любимой невесты? Из своего зажиточного хозяйства родной отец не выделил для моего деда даже щенка от породистой лайки! Так и ушли Иван со Степанидой в самостоятельную жизнь, в чем были, куда глаза глядят. В карманах ветер, в сердцах – любовь.

В Казахстан, на юг, держали свой путь молодожены, подальше от дома. С тысячу верст отмерили молодые – где подбросят добрые люди на арбе, а все больше пешком, пока не оказались в Тополевом Мысу Тарбагатайского района. Здесь и осели. Здесь у них родились три дочери – Татьяна в 1931 году, Ефросинья – в 1932-м и Вера в 1935 году. В 1937 году родилась у Постоноговых еще одна дочь – Анна, которая вскоре умерла от скарлатины. Следующую дочь, родившуюся через год, опять называют этим именем. Это будет моя мама.

В Тополевом Мысу, который находился на берегу Зайсана, мой дед устроился грузчиком – разгружал баржи. Зарабатывал неплохо. Обладал деловой смекалкой, умело вел хозяйство своей большой семьи.

В 1932 году произошла следующая история, которая говорит о предусмотрительности моего деда и об умении выживать. Недалеко от берега Зайсана села на мель груженная горохом баржа, наклонилась, и с нее ссыпался в воду не один центнер гороха. Мой дед сделал черпак, подплыл на лодке, и стал вычерпывать горох в лодку, да возить домой. Многие тогда смеялись над ним. А дед делал свое дело, возил и возил горох, пока основательно не запаса. Предварительно очистив горох от песка и просушив, дед сложил его в мешки, получилось несколько мешков. А скоро начался знаменитый голод 1932 года. И тогда те, кто смеялся над Иваном Моисеевичем, когда он возил этот горох с озера, пошли к нему с чашками, прося помощи, чтобы не умереть с голоду. Горошница стала чуть ли не единственным спасением в ту пору. Благодаря моему деду, несколько семей спаслось от голода в тот год в Тополевом Мысу.

Когда старшей моей тетушке Тане было два или три года, ее сильно испугали, и она заболела. Говоря простым языком, у нее был «спуг». Тогда была весна, и моя бабушка Степанида высаживала на грядку лук. Мимо проходила нищая женщина-«побирушка», милостыньку просила. Увидев у ребенка припадки, заговорила со Степанидой Антоновной. Попросила, чтоб ее накормили, а она за это научит, как лечить болезнь девочки. Баба Стеша накормила бедную женщину, та жадно ела, видно было, что давно человек был голоден. С собой кулек гороха дала ей бабушка. И эта женщина вылечила тетю Таню. И бабушку научила лечить. За три дня избавились от болезни. С тех пор Степанида Антоновна многих вылечила от «спуга».

Про тетю Таню, родившуюся на Крещение, Агафья Ивановна, моя прабабушка, сразу сказала, что жизнь у нее будет несчастливая, горемычная. Потому

и жалели ее больше всех, ласкали чаще других. Часто вспоминала баба Стеша свою свекровку. Ее пророчество насчет тети Тани оказалось верным. Пять гробов из дома вынесла Татьяна Ивановна: мужа, двух младенцев и двух взрослых сыновей схоронила, а в старости потеряла память. Выйдет из квартиры, а потом бродит по Заринску, где живет последние годы, найти свой дом не может. И меня перестала узнавать, рассматривает и признается: «Вот уж никак парня не узнаю. Чей будет?».

Тяжело бабушке далась и вторая дочка – Ефросинья. Она была беспокойным ребенком, и на нервной почве у Степаниды Антоновны образовалась куриная слепота. И этот недуг лечили народными средствами.

Прожив несколько лет в Тополевом мысу на озере Зайсан, Постоноговы переехали в Курчумский район в Токпуру. Это село было расположено в горах, в 70-80 верстах от районного центра Курчум (в то время Кумашкино). Токпура стояла на пригорке. Речка внизу бежала. По селу шли арыки. В нужное время речку перегораживали и воду отводили по арыкам в село для полива. На самом краю села стояли дома Лисютиных и Дудиновых. Ближе к горам, где не затапливало, стояли могилки. На горах леса не было, но было множество склонов, богатых полевой клубникой и кустарниками. Когда наступала весна, гора расцветала. Особенно много было марьикореньев, от которых гора становилась красной. Здесь, в Токпуре, 30 августа 1938 года родилась моя мама. А через два года родился первый сын Постоноговых – Борис. В то время в Курчумском районе было много золотых приисков. На одном из таких приисков, на участке Токпура мой дед устроился забойщиком.

Узнав о том, что у Ивана все хорошо, о нем вспомнил отец. К тому времени прадеда Моисея уже раскулачили. А ведь он сам поднялся из сирот, сумев сколотить зажиточное хозяйство. Не жалел хребта своего прадед, и детей своих в работе не щадил, экономил на всем, был прижимистым, скопидомным. Прахом пошло все его добро – ни себе, ни детям оно не принесло пользы. В селе, на Алтае, как огня боялись красных дружин, мой прадед и другие «кулаки» разбежались по лесам, пережидая, когда утихнут новые хозяева жизни. Рассказывали, что однажды кулаки из того села так же скрывались в лесу от красных дружин, оставив древнюю старушку в доме, мол, кому она нужна такая – не тронут. Так вот, над этой старушкой поизмывались активисты, видимо, не найдя моложе женщины, насильничали, ведь «кулацкое отродье» с некоторых пор перестали за людей считать.

Натерпелся в те времена и мой прадед Моисей лихости людской и подался с родней к сыну, в Казахстан. Налегке пришлось ехать прадеду, радехонек был, что хоть живым выбрался с Алтайского края. Добравшись до Токпуры, требовал от сына прежнего почтения и сыновней покорности. Вместе с Моисеем приехал его родной брат Петр со взрослой дочерью Агафьей и старший брат моего деда – Федор со своей семьей. Федор был с 1903 года, но записан с 1906, чтобы в революцию и гражданскую не попасть в солдаты. Этот Федор был копией родного отца, такой же нахрапистый и жестокий человек. Перещеголял отца Федор Моисеевич по всем статьям. Видимо, не прошли даром для него уроки раскулачивания собственной семьи, на новом месте он и сам подался в активисты, стал раскулачивать других. Много горя сотворил этот человек. Вынюхивал, у кого могло быть припрятано зерно, и выметал подчистую, до последнего зернышка

Не считался и с родными, им тоже досталось от него и через него. Был Федор неоднократно бит за свои дела. Но, будучи неумным, продолжал творить подлости, позоря свою фамилию. Говорили, что у него была казачья форма, в которую он наряжался и расхаживал в ней по селу, творя свои черные дела. Считал себя красным казаком. Была у него замечательная, добрая жена Евдокия. Еще рассказывают о нем, что Федор хорошо пел. Особенно нравились ему песни «Озера» и «Нету шире водного пространства». Мама вспоминает: «Бывало, по Зайсану на моторной лодке поедem, он как запоет на всю! Ой, заслушаешься!» Были у него два сына. Старший сын Петр был светлицыый хороший парень, сильно роднился со своими, «всех обцелует, как придет». С ним случилось несчастье: придя с охоты, оставил заряженным ружье. По рассказам, в темноте он «играл» с подругой-учительницей и нечаянно задел курок и застрелился. Его повезли в Кумашкино (Курчум), но он умер по дороге. Ему было 19 лет. Евдокия Афанасьевна – так величал свою жену Федор Моисеевич, после смерти сына Петра вроде как умом тронулась. Ее возили по больницам, но она не разговаривала, только писала на листке. Прикована была к постели, стала курить. Ее увезли в Канайку в сумасшедший дом, там она и умерла.

Младший сын Федора Моисеевича – Женька, по словам родни, был «блотяк», хотя роднился со всеми хорошо, но «пил по-черному» и «носил протезы вместо выбитых зубов». У Женьки были две дочери и жена, носившая очки. Ее недолюбливал дед Моисей.

Пришлось ли Федору Моисеевичу воевать в войну, мне неизвестно. Но из Токпурь он однажды переехал жить на озеро Зайсан, в Ушкумей.

НАУКА ВЫЖИВАНИЯ. СОН ПРЕСВЯТОЙ МАГУШКИ БОГОРОДИЦЫ

Мой дед Иван Моисеевич был глубоко верующим человеком, как и бабушка Степанида. По рассказам тети Фроси, ее мать называла спокойного и терпеливого человека словом «кроткий». Да и баба Стеша сама была кротким человеком.

Когда началась война, мужчин стали забирать на фронт. Зная набожность моего деда, к нему подошел односельчанин Григорий Прокопов, мол, не знаю ни одной молитвы, научи, сгодятся на войне. Дед научил того. Вернувшись с войны, он зашел поблагодарить деда и рассказал один случай. Когда форсировали реку, в ночи разбомбили плот, на котором он плыл. Григорий стал тонуть. Сапоги тянули вниз, а сил плыть уже не было, и тогда он взмолился. В своем отчаянии он вспомнил Бога и на одном дыхании, всем сердцем выкрикнул «девятисловную» молитву, которой научил его мой дед: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, спаси и помилуй мя грешного». В тот же момент он почувствовал под ногами твердь и, собрав последние силы, выбрался на берег.

У моего деда в первый год войны была броня, и он пошел на войну в 1942 году. Маме моей было четыре годика, но она помнит, как отца провожали на фронт: в доме стоял плач. А в 1943 году в семье деда случилось новое прибавление – дочь Тамара родилась, шестая по счету. Мама говорит, что «шибко она болела, худая была». Ее вылечила бабушка Агафья. Как ушел Иван Моисеевич на фронт, дед Моисей и вовсе перестал родниться с его семьей. Обидеть мог, а вот помочь чем-

то не стремился. Только жена его Агафья Ивановна помогала семье сына. Мама добром вспоминает эту добрую женщину из Пепеляевской ветви. Работящей была, боголюбивой, на коленях простаивала она в молитвах. Бабушка из всех выделяла свою внучку Аннушку, мою маму. Наверное, потому что внучка походила на нее, ведь мама сызмальства умела крепко работать. Агафья Ивановна брала ее с собой в огород, в поле, любила мыть свою внучку в бане. Частенько оставляла ночевать у себя, укладывала вместе с собой на кровати и рассказывал притчи или учила «молитовкам». Много знала всего бабушка Агафья. Молитвы, доставшиеся и мне в наследство через маму от моей прабабушки, похожи на заговоры и отсвечивают древностью, которую сохранило старообрядчество. Вот несколько похожих молитв на тему «Сна Богородицы». Одна так и называется «Сон Пресвятой Матушки Богородицы».

«Матушка Пресвятая Богородица, где Ты была, где Ты ночевала? Ночевала я у Иисуса Христа на престоле и видела чудный сон и явный сон, будто Иисуса Христа распинали на трех деревьях, на одном – кедре, на втором – ирусте, на третьем – капарусте, руки-ноги гвоздями ковали, девятое ребро пробивали. Из этого ребра текла кровь и вода. Собирались все святые апостолы, намазались этой кровью. На этом земля основалась. Пойду я в Божий храм, напишу я лик икой, поставлю его у Иисуса Христа на престоле. Я ему помолюсь, я ему поклонюсь – защити нас, Господи, от 12 Тир дочерей, от 12 черных лимочей. Кто эту молитву будет знать, тому Господь будет грехи прощать. Отныне и до веку. Аминь. Аминь. Аминь».

Вторая молитва имеет особую силу, читают ее в дорогу, и поэтому она называется «Дорожная».

«Мать Мария спала-спочивала, в церкви, в соборе, в кресте, на престоле. Ей приснился страшный сон – жиды Христа распинали, кровь проливали. Это не кровь, не руда, а святая вода. Кто эту молитву будет знать, тому Бог грехи прощает. В поле, в пути, дома будет спасен и сохранен. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь».

Третью похожую молитву я записал со слов деда Ивана Моисеевича.

«Шла Матушка Пресвятая Богородица. Шла-приустила, легла-приуснула. Приснился Ей сон, будто Сын Ее распят на трех древах. Кто сон тот вспомянет, тот спасется от воды топучей, от твари ползучей, от ножа булатного. Аминь».

До рассвета поднималась Агафья Ивановна, шла работать. Сама мяла на мялке коноплю и лен, теребила, пряла. Конопля шла на веревки, а изо льна прабабушка ткала полотенца, простыни, шила рубахи, брюки. Даже в семьдесят лет она бодро ходила по горам, собирала сарымсак (дикий лук), всякие корешки заготавливала. Знала время сбора лечебных трав, все их названия, от какой болезни каждая лечит. Под навесом у нее хранились капустные корни – кочерыги. Учила: четверть кочана капусты от земли до завязи – от рака. От укуса тарантула лечила так: нужно было поймать самого тарантула, бросить его в постное масло, затем растереть его и мазать место укуса. От многих болезней знала лечение Агафья Ивановна и много лечила людей. Национальность для нее не имела значения, говорила: «Все едины перед Богом!» Вот как описывает мама мою прабабушку: «Очень грамотная она была, знала все травы. Вывихи вставляла, головы лечила – шишки и гематомы разные – запаривала отруби теплые – и на голову, все боли снимала, кости выправляла. Бегучая была, коса – до пояса. Большегрудая, невысокая, немного полноватая была бабушка Агафья. Шура наша на нее похожа».

Мама до сих пор помнит разговоры со своей любимой бабушкой, ее напутствия: «Кто почитает родителей, у того продлятся дни. Не суди и не осуждай никого. Когда тебя судят и осуждают – это для тебя не страшно, не перечь ему, лучше перетерпеть, за это воздастся. А им, судящим и осуждающим, свое вернется». Говорила, как люди за грехи свои страдать будут: «За убийство – в смоле кипеть, за воровство – в кипятке вариться, за мат – в дыму задыхаться. Если матерятся «в мать» – большой грех. В это время Пресвятая Богородица падает на колени, ее ноги не держат. От матерных слов, особенно если их говорит женщина, тухнут лучи солнца, солнце темнеет. Вот почему солнышко теперь не так ясно светит и греет! Если украд, то лучше сразу признаться. Если украд и отпирается, да еще божится и клянется – этот грех равняется с убийством».

Мама рассказывает о своих родных: «Деду Моисею было за восемьдесят лет, когда он пешком обходил Каракас, Белую Могилу, Ушкумей, Сарчиганак и возвращался обратно в Токпуру. А это самое малое триста, а то и четыреста километров. Как-то дед Моисей принес с Зайсана нельму. Посолили ее, на солнышко повесили сушиться, тепло было – в апреле-месяце. А с нее жир бежит, чашку снизу поставили. Я упростила свою бабушку дать мне кусочек рыбы. Потом еще кусочек нельмы съела. А ночью плохо стало. Так после того случая не могла на эту нельму смотреть. А так у нас частенько в бочонках небольших (тонких, как фанера) стояла икра щучья соленая. На черный хлебушек с лучком – обедение! Дед Моисей пережил свою жену лет на пятнадцать. Она умерла в поселке Большевик, что в сторону Кокпектов, а он в Мариногорке, куда после ее смерти пришел к сыну пешком».

Много рассказывала моя мама о детстве своих многочисленных сестер и братьев. Что-то из своей памяти, что-то со слов старших, вспоминая отложившиеся в памяти события прошлого. Хвостом за матерью своей Степанидой бегала в детстве Ефросинья, вторая дочь. Тетя Фрося – самая боевая из моих тетушек. Ребенком она долго не выговаривала слова и громко пела: «Орай-орорай!» Это в переводе на взрослый язык обозначало песню о воробье: «Воробей-воробей!» А когда Ефросинье сделала прививку фельдшер Мария Павловна, она, увидев кровь, закричала: «Ой, Маруся, крову, крову!» С детства ходила тетя Фрося с палкой и никого не боялась. Даже самого деда Моисея, которого боялись все без исключения. Некому было заступиться за мать, одна маленькая Фрося, бойкая и безбоязненная, давала отпор своему деду. Раз баба Стеша работала в огороде. Тут же матери помогала дочка Фрося. Подошедший к плетню свекор начал за что-то отчитывать сноху. И Ефросинья тут же не преминула вступить со своим дедом Моисеем в словесную перепалку, да с матерным словом вперемежку. Дед от неожиданности опешил. В патриархальной семье, где главе любое слово поперек нельзя было сказать, уже не говоря о ругательных, поступок внучки выходил за все рамки. Как бы там ни было, а с той поры Моисей Иванович несколько поостудил свой пыл и не обижал больше своей снохи, которой, в отсутствие мужа, воевавшего на фронте, и без того было непросто с оравой детей на руках. А один раз Фрося спасла своего дядьку Пашу от избияния его дедом Моисеем. Тот боем бил за сараем взрослого сына, когда это дело увидела бойкая девчонка. Как она сама рассказывает: «Хренакнула деда по спине дрыном, что подвернулся под руку, и дуй-не стой от него. Тот бросил сына – и за мной. Но не тут-то было. Попробуй меня догони!»

Именно тетю Фросю, как самую отчаянную, брал с собой в горы дед Моисей, когда ходил на Бехкару «резать диких пчел». Раз, когда они были без сетки, их так нажалили пчелы, что тетя Фрося вся распухла от укусов. Непоседой была тетя Фрося. Вечно находила себе какие-нибудь приключения. И за своим добром присматривала хорошо. Однажды она выследила своего деревенского мужика, который проверил мордушку, поставленную на рыбу Иваном Моисеевичем, и все ему рассказала. Он пошел к вору домой и забрал свою рыбу.

Моя мама рассказывает о своих старших сестрах: «Фроська у нас простющая. С детства она была как парнишка. Дралась со всеми. Никого не боялась. Раз как-то шли мы с Фросей из леса, тащили дрова. Привязались к нам парнишки, наступают на дрова. Ефросинья схватила палку и давай их гонять... Любила она ходить с крепкой черемуховой палкой. Скот помогала резать отцу, все боялись, а она постоянно помогала. Казахи называли ее безбоязненной, резкой. Один раз телка бодучая бросилась на Фроську. Та выхватила полено и по рогам. Оба рога отбила у нее, кровь хлещет. Пришла домой, отцу говорит: «Я ей рога отбила, бодаться не будет».

А Таня у нас заласканная была, ее любили, жалели. Но она нудной была: «Это я не буду делать, пусть Фроська делает». За это Ефросинья била Таньку. И ходила везде с Верой, а не с Таней, даром, что та старшая сестра. Все не забуду, как Фрося с Верой за дровами однажды сходили. Пошли они с подружками своими – Таськой Панковой и Линой Кучкиной, которые между собой были сродными сестрами. Еще Анатолий Молодых с ними был. Когда шли назад и переходили речку, кто-то кого-то толкнул. Принялись драться. Скинули прямо в воду Верину вязанку и Веру стукнули. Ефросинья, недолго думая, бросила свою вязанку и ринулась в бой с криком: «Кровь за кровь, сестра за сестру!» Повалила одну из тех девчонок и укусила ее за глаз. Анатолий стоял в стороне и смеялся. Дома отец добро им всыпал – не деритесь! Дрова пришлось сушить, потому что все они в реке вымокли».

Тетя Фрося так рассказывает о детской поре в Токпуре: «Мы не были девчонками, мы сразу мужиками стали. Работали с самого раннего детства. Я бойкая была, в обиду себя не давала. И везучая в придачу. Я училась в классе третьем, наверно, а Вера в первом. Горюем, что писать не на чем. Вдруг видим возле школы учебник арифметики, обрадовались, поделили, писать стали на листочках. Чернила из свеклы делали, как закиснет – воняет, тянется, по листу размокнет. Перьев тоже не было. Раз как-то приехал какой-то дед в село – менял перо металлическое на коробок спичек. Я выпросила у мамы один коробок, пошли с Веркой, мечтали поменять на два пера. Я бойкая была, всех раздвинула, через толпу пробилась и выменяла. Сверху звездочка еще на нем. Дед не рассмотрел, что два пера подал, а мы с сестрой прыгаем вприпрыжку. А мама мне говорит: «Вечно ты, Фроська, что-нибудь придумаешь!» Еще я плясала хорошо. Как-то собрались у нас гости на 7 ноября, компания, изба большая была, комната квадратная. Иду к столу, говорю: «Кушать хочу». А все знали, что здорово пляшу. Отец говорит: «Пока не спляшешь, не сядешь за стол». А мне только того и надо. Я как сплясала! И за стол... Отец всегда меня при себе держал вместо сына, все сына ждал. А я ему и сказала как-то: «Если бы я была сыном, то я бы из тюрьмы не выходила!»

Простая и откровенная моя тетушка, перешагнув за восьмидесятилетний рубеж, осталась такой же бойкой и энергичной. Памятью тянется в прошлое: «Меня старшие мальчишки материться учили. Отец увидит, строжится на них: «Вы опять дочку учите материться?! Ну-ка... » А вскоре ушли они на войну, и мало кто из

них вернулся. Еще помню, один раз Кучкин-хромой бил своих детей-близнецов Федора и Ваню. Это было в начале войны, они уже взрослые были. Ну, и давай я матом обзывать деда, а он за мной, а я бежать. А меня разве догонишь! А вскоре они ушли на войну и не вернулись. Так и вижу, как они уходят в горочку по Токпуре на войну... В глазах стоят».

В 1943 году, когда мой дед Иван воевал на Курской дуге, жена его Степанида боролась в тылу с голодом, стараясь изо всех сил свести концы с концами и прокормить ребятишек. Сначала бабушка устроилась на золотопромышленный участок охранять золото. Помог ей туда устроиться начальник участка некий Григорий Мордарович. В начале войны много семей евреев было эвакуировано из европейской части Союза в Казахстан, несколько сот их оказалось и в Курчумском районе. Жена Григория Мордаровича, горбоносая еврейка Мария Федоровна, зная, что у моей бабушки Степаниды дома шестеро детей, дала ей «ажурки» (те же «шкварки», выжарки сала): «Бери, Стеша, домой неси, только не ешь сама, детей покорми». А бабушка взяла да поела с голодухи и заболела. Лежала дома, а Мария Федоровна сама ее лечила какими-то своими средствами. Вскоре на том участке, где моя бабушка охраняла золото, ее чуть было не убили. Пришлось оттуда уйти. Ей помогли устроиться санитаркой в аптеку. Она брала с собой старшую дочку Татьяну, которая помогала мыть медицинские склянки.

Очень тяжелым было время конца войны – 1944-1945 годы, тогда был сильный голод. У бабушки Степаниды были кашемировые кофты, платки и юбки. Все это добро ей пришлось поменять на продукты в селе Короба. Моей маме в ту пору было шесть-семь лет. Ей хорошо запомнилось то время, когда люди с голода начинали опухать: «Слабость в организме, ноги подкашиваются. Нажмешь пальцем на ногу, а рядом вода струйкой выбегает». Стали выдавать карточки, по 100-200 граммов хлеба. Заведующая медпунктом фельдшер Надежда Марковна переживала за Степаниду, настоятельно советовала купить козу, способную спасти от голода наше семейство. В конце концов, она сама помогла осуществить моей бабушке эту добрую затею. Все кожурки и прочие редкие отходы отдавались этой маленькой кормилице, которая, не скупясь, давала целебное молоко. На этом молоке и выжили. Спасибо добрым людям, что помогли моей бабушке на ее нелегком жизненном пути.

В то небывало тяжелое время, в сложнейших условиях чужие люди помогали друг другу вне зависимости от национальности. Мама рассказывала про казашку Чилимку, у которой под Сталинградом погибли муж и сын. Ей нечем было топить печь, да и незачем, потому что после смерти родных она тронулась умом. Эта Чилимка бродила от дома к дому, ночевала то у одних, то у других. В ветхой одежке, с волдырями на обмороженных ногах, она грелась у печей своих земляков, которые не отказывали ей в ночевке. Она была для них как бы живым воплощением тех страданий, которые выпали на общую долю. Однажды Чилимка замерзла.

Во время войны часть поволжских немцев переселили в Восточный Казахстан. В Токпуре тоже были такие переселенцы. Мама вспоминает: «Почти в каждый дом расселяли высланных немцев. Если бы не маленькая хата, то и к Постоноговым тоже бы поместили постояльцев. Хотели немку Павлину поставить к нам на житье. Но поселили по соседству, в мазанку. Наша избушка была в землю вкопана,

одна комнатка небольшая и сенки, где двери были из тала, не обмазанные даже. Крыша на избе была обмазана глиной, стены тоже были сплетенные из тальника, обмазаны глиной с обеих сторон. Неподалеку жил один старый переселенный немец, седой, ростом небольшой. У него была корова Ирма. Как пойдет встречать свою корову, кричит: «Ирма, Ирма! Будай русский репятишка. Наш немец скоро заберет Москва». Все избегали того старика. Но под Москвой немцев разбили. Павлина, что жила по соседству, была хорошей женщиной. У нее было два сына а мужа не было. Одного звали Сигий. Она выходила, и на всю улицу смешно звала его: «Сика! Сика!» На этой Павлине женился Мельников Игнат. Нарядоваться он не мог на свою жену – работающую да чистоплотную. Он сам был тоже работающий, и жили они душа в душу. А в 1943 году эта Павлина принесла моей бабушке Степаниде целый узел детских вещей – шапочки, кофточки, штанишки. Целый ворох счастья! В этих вещах выросла тетя Тома и еще трое послевоенных детей, родившихся в семье Постоноговых в Токпуре.

В Токпуре стали помаленьку возвращаться с войны мужчины. Первыми приходили раненые и искалеченные войной. Казах Десёмба, комиссованный по ранению, упрашивал мою бабушку отдать ему в дочки тетю Тому. У него самого детей не было. Говорил, что она больная и в такой голод все равно помрет, а он сможет ее прокормить. Баба Стеша ответила, что она сама скорей помрет, а дочке помереть не даст. Не отдала.

Мама рассказывает о бабе Стеше, что она хорошо делала массажи, умела править спины, копчики, почки, выправляла поперечные роды – и это без всякого медицинского образования. Мама вспоминает случаи из своего детства: «Как-то маму забрали на лошади в аул Четубек принимать роды. А было это не то на Рождество, не то на старый Новый год. Тася Панкова и наша Татьяна нарядились цыганками и ходили по домам, колядовали, что ли? Сала принесли и другой еды. Таисия была черноглазой, видной, веселой – настоящая цыганка. Она плясала, дурела под песни. И, видать, сглазили Таську, плохо ей стало. Все грешили на бабку Лисютину, что в начале деревни жила, нехорошая была старуха. Совсем плоха стала Тася Панкова – судорогами стало ее стягивать, руки-ноги тянуло, било в припадках ее – со всего маха об пол, пена изо рта шла, рот набок, глаза навывкат. орет неизвестно что... Николай Еньшин был тогда ее кавалером. Он ее на руках таскал на улицу, обратно... А ночью, приняв роды, мама вернулась из Четубека. Увидела – неладное дело с Тасей, взялась лечить ее. Выгнала парней на улицу, чтобы дома было тихо. Стала шептать что-то и умывать больную. Та вскоре уснула. А к утру выздоровела. Проснулась и стала целовать «тетечку Стешу», благодарить ее: «Если бы не Вы, я бы, наверное, умерла...» Вот еще случай был с той же Таськой Панковой. Потешная она была. Как-то пошли мы с ней по черемуху. А в селе слух прошел, что сбежал какой-то тюремщик и в лесу прячется. Только мы забрались на дерево, слышим снизу шум. А то не наш, не местный мужик куда-то шел. Он и сам чуть нас не напугался от неожиданности, громко окликнул по-казахски: «Кым осында? (Кто здесь?)» Таська в голос кричать, а голос у нее грубый был. Думала, что беглый это. Перепугалась». Судьба у Таисии, по словам моей мамы, оказалась печальной: «Жалко ее. Дружила с Николаем Еньшиным, а замуж вышла за Оверчука Витьку. В селе у него прозвище было – «Антроп сопливый». Бил он ее. Увез Тасю на пасеку, и там измывался над ней. Недолго она пожила на свете – родами умерла».

Родами умерла и лучшая мамина подруга, казашка Чаганка. С нею вместе они росли. Подруга жила с мачехой и родным отцом. Бывало, Чаганка таскала горячие батареи прямо из казана, в котором готовила ее мачеха, стоило той только отвернуться. Мачеха ругала девочку. А она делилась лепешками с моей мамой, и мама тоже делилась с ней последним. Когда Чаганка подросла, за нее отдали калым и увезли в аул Четубек. Было ей лет 13-14, не больше. Когда подошел срок рожать, она промучилась не одни сутки. Послали гонца за бабушкой Стешей но было уже поздно. Когда она приехала, Чаганка уже умерла – ее руки и ноги были растянуты веревками, так раньше в ауле принимали роды. Несколько дней моя мама оплакивала свою любимую подругу и помнит о ней до сих пор, спустя шестьдесят лет.

С большим уважением родня вспоминает про сестру деда – Арину. Какова же была судьба дедовой сестры Арины Моисеевны после убегая из дома? Именно из-за этой дочки-ослушницы прадед хотел спалить деревню, в которой она оказалась со своим женихом. Но, видать, замысел прадеда остудило беспокойное время коллективизации.

Вот что рассказывала моя мама про свою любимую тетюшку Арину: «Она была красивой женщиной, имела длинные косы. Великолепно пела песни. Жили они в тайге, запоет – на весь лес слышно. Обучившись в новой семье грамоте, она даже стихи стала сочинять. Зажила тетя Арина с мужем хорошо, душа в душу, стала носить фамилию – Балахнина. Только вскоре случилась беда. Муж вместе с другом возвращался со стройки домой, а по дороге на них напал колхозный бык. Пришлось защищаться, с собой топор несли с работы, да невзначай быка того порешили. Волоком утащили его к реке и сбросили в воду. Вскоре друг по пьяному делу разболтал про быка, и об этом узнали люди. Был суд, и посадили мужа Арины Моисеевны, как врага народа. А когда началась война, его бросили на передовую. Только и успел этот солдатик написать одно письмо. Вскоре его убили». От мужа осталось у Арины трое детей – дочь Нина и сыновья Сашка и Иван. В войну сильные были налоги для семей врагов народа. С голоду опухли ребятишки и сама Арина. Написала она письмо на фронт брату своему Ивану, больше некому было рассказать о своей доле. И брат помог ей. Дед мой, как и полагается старообрядцу, не курил. И потому свою положенную махорку он менял на что-нибудь полезное. А когда он получил письмо от сестры, то выслал ей с фронта сразу три посылки. В них было много добра, кроме всего прочего – немецкие наволочки, пододеяльники, простыни. Их можно было обменять на продукты. Эти посылки будет помнить она всю жизнь. Благодаря им они смогли выжить.

Видная была женщина, вдова Арина Балахнина. Положил на нее глаз председатель колхоза. Подкараулил ее в лесу и изнасиловал. А вскоре родила она четвертого ребенка, сына. Крупный родился мальчишечка, красивый личиком. У самого председателя детей не было от своей жены, и потому он радовался рождению дитяти. Трудно что-то скрыть в селе от глаз односельчан, все село знало – чей это сын. Председатель стал помогать Арине. Как-то ночью даже теленка пригнал ей на двор, обещал в будущем поменять его на нетель. Но и это нежданное счастье оказалось мимолетным, оставив на память о себе душевный ожог. Мама рассказывает: «Сынок ее умер, прожив восемь или девять месяцев

Убивалась бедная вдова после смерти мальчика. Только председатель стал ее обвинять в том, что она, якобы, сама извела парнишку. С той поры стал притеснять ее, как говорится, одной промытой воды не видела она от него».

Арина Моисеевна, как и все Постоноговы, была работающая. Во главе угла у Постоноговых, как и у большинства старообрядцев, всегда стоял труд. Арина имела множество всяких грамот за работу, даже медали были. С ней соревноваться было невозможно. Моя мама всегда с удовольствием рассказывала о своей тетушке, потому, что сама умела здорово работать: «Тетя Арина, когда работала на уборке на колхозных полях, за день по две тысячи снопов навязывала!» Обычной похвалой работающему человеку у моей мамы служит уважительное сравнение: «Работает, как трактор!». Именно так и работала тетя Арина, так работала и моя мама.

И тетушка Арина, и моя мама, пережившие голод и холод, как и большинство простого советского народа хорошо изучили науку выживания. Мама рассказывала: «Одно время тетя Арина работала где-то на скотном дворе. Платили мало, а жить как-то надо было. Когда сдыхала колхозная корова, ее не увозили на скотомогильник, а разрубали на мелкие части и уносили по домам, скармливая свиньям. От такой еды свиньи как на опаре поднимаются...» Так выживал простой народ. Было у тети Арины свое правило на худой момент жизни, так она учила мою маму: «Когда тебе будет шибко тяжело, совсем невестому, ты, Анна, не сдавайся, не плачь, а лучше крепко ругнись, все легче сердцу будет».

Всегда сохранялись теплые отношения между моим дедом и его сестрой Ариной. Она была еще не старой женщиной, когда заболела водянкой. В то время возле Мариногорки, где в пятидесятых годах осела семья моего деда, остановился цыганский табор. Арина была в гостях у Ивана Моисеевича. По словам родственников, цыганка наворожила, что ее болезнь скрыта в подушке у невестки. Вернувшись в свое село, она решила проверить слова цыганки. Распластала одну подушку – нет, другую – тоже нет, а в третьей обнаружила свой волос, собранный в виде лягушки. Сожгла его. Но ей стало хуже. А вскоре она умерла. В последнем письме к деду просила отыскать ту цыганку, что сказала ей правду. Только где ее найдешь, откочевал табор в неизвестном направлении – ищи ветра в поле.

Кое-какие сведения сохранились о младшем брате моего деда Павле Постоногове. Этот сын был не в чести у своего отца, так же, как и его жена. С характером был Павел Моисеевич, отца не боялся. Коса на камень, одним словом. Он ушел на фронт, оставив в Токпуре жену с ребенком. А с войны не стал возвращаться домой, остался в Калининграде. Был ранен, челюсть после ранения поставили искусственную. Он нашел себе на войне молодую жену и обзавелся детьми. Долгое время не виделся мой дед со своим младшим братом. И однажды произошла их нечаянная встреча. Об этом рассказывает мой отец: «Мы жили тогда еще на краю села, в Ново-Тимофеевке. К нам из Малеевки приехала Вера Ионина, которая собиралась ехать в гости к тетке своей Аксиине Моисеевне Молчановой в Джамбульскую область. Одной ехать невесело, далеко. А я как раз в отпуске был, почему бы и не съездить? Поехали. По дороге заехали в Мариногорку и взяли с собой Ивана Моисеевича. Оттуда поехали в Жангизтобе на поезд. Билетов, как всегда, нет. Я пошел по вагонам с авоськой вяленой рыбы – «на живца» ловить, тогда это дефицит был. Через проводника нашел места, заплатил за всех, и поехали. Доехали до Джамбула, а там пересели на пригородный поезд до Жанатаса. В одном купе с нами ехал представительный мужчина, сухопарый, подтянутый.

Я ему еще чемодан помог поставить на верхнюю полочку. Когда доехали до Жанатаса, нашли нужный адрес и вошли в подъезд, вслед за нами появился наш знакомый попутчик, и тоже нажал на кнопку нашего звонка. Мы спрашиваем: «Вы к кому?» Отвечает: «К Молчановым». «А Вы кто?» «Я – Павел Постоногов». Тут Иван Моисеевич бросился обнимать брата: «Здравствуй, брат!» Их сестра тем временем поехала встречать братьев на вокзал, потому и разминулись. Так вот бывает в жизни! Сроду не придумаешь такое. А ведь сердце даже не екнуло когда братья ехали в одном купе в поезде и не узнали друг друга». Это была запоминающаяся, радостная встреча, ведь братья, не сговариваясь, из разных частей света приехали к сестре в одно и то же время. Добрым словом вспоминает мой отец семью Молчановых, особенно дядю Степу – «добрячего мужика». Отец даже на работу с ним ездил, шоферил с ним. Запомнилась и рыбалка с ночевкой. Правда, отец поймал на удочку совсем немного рыбы, а вот Павел Моисеевич наловил огромное количество. Видать, у всех Постоноговых есть свой секрет на удачную рыбалку, или слово заветное знают. Правда, на той рыбалке отец потерял полушубок, который ему дал Павел Моисеевич, но его ни словом не попрекнули за потерю. Еще один раз Павел Моисеевич приезжал в гости к моему деду, когда он жил с семьей в Мариногорке. Встреча была теплой, запоминающейся.

О том, как воевал мой дед Постоногов Иван Моисеевич, красноречиво рассказывает его «Красноармейская книжка» за номером 60. Такая книжка раньше прилагалась к военному билету. 13 ноября 1942 года рядовой Иван Постоногов принял присягу в 266-м батальоне аэродромного обслуживания. Он стал стрелком-пулеметчиком. Кроме этого батальона за время войны мой дед воевал в составе 667-го и 833-го батальонов аэродромного обслуживания. В этой изрядно истертой, но драгоценной книжечке указан путь, которым прошел мой дед вместе со своей частью. Когда я ее перелистываю, меня охватывает какое-то трепетное волнение и гордость за своего деда, прошедшего через самое пекло войны. Он участвовал в следующих боях:

1. Орловско-Курская операция, с 6.6.43 года по 15.7.43 года.
2. Кромская операция, с 17.7.43 года по 25.8.43 года.
3. Севская операция, с 25.8.43 года по 6.9. 43 года.
4. Выход на реку Днепр, с 6.9.43 года по 26.9.43 года.
5. Форсирование Днепра и расширение плацдарма по правому берегу, с 26.9.43 года по 9.11.43 года.
6. Гомельская операция, с 9.11.43 года по 19.11.43 года.
7. Холмич-Речецкая операция, с 19.11.43 года по 24.11.43 года.
8. Калининичи-Мозырская операция, с 24.11.43 года по 18.1.44 года.
9. Рогачевско-Жлобинская операция, июнь 1944 года.
10. Бобруйская операция, июль 1944 года.
11. Варшавская операция, январь 1945 года.
12. 1-й этап Берлинской операции, февраль – март 1945 года.
13. 2-й этап Берлинской операции, май 1945 года.

Но и это, возможно, не полный список боев, в которых участвовал мой дед. В этой книжке отсчет начинается с середины 1943 года. А ведь Иван Моисеевич к той поре уже около года находился на передовой. Известно мне это из случайного рассказа моей матери, что услышал я совсем недавно.

Мама все время интересовалась своими земляками из Токпуры. И вот мне довелось встретить мужчину из Курчума, у которого жена была из этого небольшого сельца. Я записал данные. Стоило мне произнести фамилию, как матушка обрадовано стала названивать сестрам, сообщая им радостную весть (по-казахски – «суинши»): «Хайруллин Кабдыл живой!». Словно приоткрылось окошко в детство, мама перечисляла всех братьев и сестер своего друга, вспоминая, что жену Валихана звали Чайка, которая носила косы до пят, что Нургалий стал большим начальником, к которому нужно идти в кабинет по дорогой ковровой дорожке... И что их отец уходил на войну вместе с моим дедом в 1942 году, и погиб у него на глазах в первые дни пребывания на фронте. Иван Моисеевич похоронил своего земляка, и по возвращении с войны сообщил семье погибшего, как это произошло и где он похоронен. Несмотря на голодную пору, Хайруллины добыли мяса и по-азиатски радушно угостили моего деда за то, что он смог до конца выполнить свой долг перед своим земляком.

Место дислокации последней части, в которой служил мой дед, находилось недалеко от Берлина. Там мой дед оставался до осени 1945 года. А 13 октября 1945 он сдал оружие и противогаз и демобилизовался из армии. Через месяц ему исполнилось 39 лет.

У моего деда были золотые руки. Они умело держали не только оружие, но и рубанок, и молоток, и плотницкий топор. Он был еще и ротным плотником. Его руки, истосковавшиеся по мирному труду, просили любимой работы. Он по-хозяйски относился к вещам, мог сделать хорошую вещь из материала, на который никто бы не обратил внимания. После Великой Победы, весь 1945 год, часть, в которой находился Иван Моисеевич, стояла на немецком аэродроме. Дед там работал строителем, восстанавливал аэродром. Там-то и приглядел мой дед разбитый немецкий самолет, из крыла которого вырезал кусок. Из этого материала мой дед сделал два больших клепанных крепких ведра, два маленьких ведра с загнутыми краями и чемодан под инструменты на заклепках. Чемодан этот дед подарил Ефросинье: «Это тебе, дочка...» Тетя Фрося поехала с ним в Томск к своей тетке, там он и остался. А ведра на заклепках до сих пор целы. Одно из них хранится у тети Фроси, а второе – у меня. Это семейная реликвия. Им столько же лет, сколько нашей Великой Победе. Всякий раз, когда я пью воду из этого ведра, я вспоминаю его историю, и нашу Победу. Такой вот гостинец из сорок пятого года принес мне мой дед.

Редко дед Иван рассказывал о войне. Родственники пересказывали с его слов о том, что Ивану Моисеевичу приходилось ходить в разведку. Однажды ему пришлось пересечься с партизанами. Двое молодых – парень с девушкой разыграли спектакль на глазах у фашистов. Они знали немецкий язык. Скоро должен был подойти эшелон с боеприпасами. Кругом патруль, к железнодорожному полотну не подступиться. Тогда парень и девушка переоделись в старика и старуху и стали драться возле немцев. Он свалил ее на рельсах и стал бить. В этот момент она подложила мину под рельс. Драка была такой натуральной, что со стороны никто подвоха и не заметил. Немцы хохочут, мол, что это за народ такой, мало мы их бьем, так они еще сами друг друга избивают. Когда «старик» порядочно побил «старуху», они разбежались в разные стороны, он еще ей на прощание кулаком погрозил. А когда пошел эшелон, раздался такой сильный взрыв, что все к чертям полетело.

Второй маленький рассказ необычен, так как в нем речь идет о «потустороннем». «Стояли солдаты в лесу. Блиндаж был хорошо скрыт от глаз. На посту в глуши стоял часовой. Вдруг из леса появилась девушка, совершенно голая, и попросила у часового пояс или ремень, чтобы подпоясаться. Он опешил и в растерянности отказал ей в просьбе. Она ушла, но он запомнил ее слова: «Двадцать пять лет мучилась и еще двадцать пять лет мучиться буду». Когда часового сменили, он пришел и рассказал своему командиру о странной девушке. Тот покачал головой и, жалеючи, произнес: «Надо было ей дать, ведь она проклята матерью...»

В конце победного 1945 года Иван Моисеевич вернулся домой. За войну он скопил некоторую сумму денег, продавая получаемые по норме табак и сахар. По дороге он купил хорошего быка. Постоноговы сразу же купили у Рубцовых дом побольше. Крыша, мазанная глиной, пол деревянный, только землей засыпанный. Дед постучал по полу, и давай землю очищать. А пол из лиственницы оказался. Этот новый дом стоял на бугре, внизу – баня. Весной, когда разливалась река, вода доходила до самой бани. По речке сплавляли дрова – вся деревня помогала друг другу. Возле бани много всегда собиралось дров.

Еще Иван Моисеевич развел пчел, даже больше, чем держал раньше. С возвращением мужа и отца домой семья зажила полной жизнью. В хозяйстве появилась ножная швейная машинка, фуфаек нашили, обувь для всех купили и самое главное – есть стали лучше, даже мясо появлялось на столе. Уже 23 декабря 1945 года мой дед устроился забойщиком в артель старателей «Заря». На этом же руднике стали работать старшие дочери Постоноговых – Татьяна, Ефросинья, Вера. Даже бык пригодился в артели, на нем возили в таратайке почву с шурфов. За работу платили бонами, розовыми и голубыми. И Постоноговы стали помаленьку обживать. Вскоре Степанида Антоновна родила дочку Онисию. Роды были преждевременные, потому что бабу Стешу «понес под гору бык». Она упала с телеги и сильно ударилась. Новорожденная умерла на четвертый день.

Рядом с Постоноговыми по соседству, чуть выше в гору, жила самая младшая сестра моего деда – Аксинья. Родственники говорят, что была она любимой дочкой у Моисея Ивановича. Муж Аксиньи Александр Хромов погиб на фронте в 1944 году. От него осталась дочка Люда. После войны Аксинья Моисеевна вышла замуж за Степана Молчанова и родила от него четверых детей – Александра, Раису, Любовь и Валентину.

Об этой сестре Ивана Моисеевича сохранилось немного сведений. Но одно воспоминание запомнилось моей маме, ее сестре Тамаре и брату Борису на всю жизнь. Дело было на Троицу. Вот как рассказывает об этом тетя Тамара: «На Троицу напекла тетя Сина шанежек. А в доме была дырка в дверях в сенки, чтобы куры ходили. В ту дыру пытался Борис залезть, но не смог. И запустили туда меня, а мне тогда было года три-четыре, сама чуть больше того куренка. Дошла я до булочек, взяла по одной в руки и унесла братику Борису и сестре Анне. Пошла снова, взяла еще две, и тут меня поймала тетя Сина. Взяла за ухо и повела к отцу (ухо горит до сих пор!). А Борис и Анна убежали к старой пекарне заброшенной». Дальше этот рассказ продолжает моя мама: «Вышел отец, как закричит: «Борька! Нюрка!» Да сразу к пекарне. Стянул Бориса, всыпал ему да не сильно, а вот мне досталось тогда. Обчистил отец березовые ветки и иссек меня так, что не забыть. В угол поставил на коленки, на соль. Там я потеряла сознание, а очнулась, когда на меня воду лили. Это была тетя Аганя (Агафья Петровна), Вовки Дулепина

мать. Она одна за нас заступилась, наругала эту тетю Сину. И отцу нашему тоже досталось, что пожалели булочек, ведь целый таз напекли. Помню, помню я ту Троицу. Пока не помру, помнить буду. Жалко было им по булочке детям голодным дать». Больше мама о ней не говорила.

В 1948 году в семье Постоноговых опять прибавление – дочка Александра родилась. Не убереглась бабушка Степанида после рождения тети Шуры, сильно простыла и чуть было не умерла от воспаления легких. Но, слава Богу, миновало!

В 1950 году родился сын Петр, а в 1952 – Василий.

К портрету моего деда Ивана Моисеевича следует добавить и такие воспоминания моей тетушки Ефросиньи, которые характеризуют его как человека резкого: «Отец очень строгий, если разоидется, то его не остановить. Случай был в Токпуре. Как-то гуляли на 7 ноября у нас дома всей артелью. Костя Еньшин был высоченный, под два метра. Он-то и затеял драку. Хотел ударить Ивана Шипунова, но кулак соскользнул и попал в ребенка, которого грудью кормила мать, наша односельчанка. Отец вмиг подскочил к этому Косте со словами: «В моем доме женщин да детей бить!» – и потащил его на улицу. По дороге они помяли ведра, таз от умывальника. Свалил он Костю, и ну его лупить – отнять не могли».

Еще о своем отце вспоминает моя мама: «На сенокос, бывало, все вместе идем, еду несем, в горы, от дома не близко. Нароботаемся, литовки, грабли деревянные, вилы трехрожные, тоже деревянные, на покосе оставляли. Отцу уже за пятьдесят в то время было. Назад пойдем, а отец как припустит бежать по тропе! Сильно бегал, ужас! Потому они все и были худые, порода такая... А мы следом догоняем его, бежим вослед, как волчата. А он не ждет – бежит быстро. Мы маленькие, боимся отстать, торопимся, догоняем, что есть мочи! Это он нас так учил, чтобы выживали, дорогу находили. С нами вообще не нянчились, не жалели нас, не баловали родители – выживем так выживем, а нет так и нет! Никто по нам шибко не убивался. Потому мы и выросли живучие все!»

Когда в Токпуре заходили странники и спрашивали у первого встречного, где пускают в этом селе на ночевку, их сразу отправляли к Постоноговым: «У них своих девять ртов, десятый не помеха!» Пускали и в другие дома, конечно. Такую войну пережили, сплотились люди. Только все знали, что мои дед и бабушка точно не откажут в приюте путнику.

Мама вспоминает, как однажды пустили они переночевать человека, который угостил их салом. Отрезал белый кусочек, положил его на хлебушек и протянул маме. Она съела его с таким удовольствием, что запомнила этот момент на всю жизнь. И решила, что когда вырастет, обязательно заведет поросят. Мечту свою она осуществила. Поросят мы всегда держали, и помногу. Только мы с братом сало почти не ели.

В маминых рассказах о детстве обычный кусочек сала или пенка с варенья, которое варила бабушка Степанида, возникали, как какое-то запредельное удовольствие, которого никогда не было вдоволь. Как всякий человек, переживший голод, моя мама всегда запасалась продуктами впрок. Сколько себя помню, у нас были припасены мешок муки и мешок сахара, макароны упаковками лежали, крупы, соль, горох и много еще всего. Несмотря на то что зарплаты в селе всегда были небольшими, продовольственный запас «на всякий случай» у нас всегда был изрядный. Возможно, эта перестраховка от грозящих напастей заложилась в

моей матери задолго до голода сороковых и передалась на генетическом уровне от предыдущих поколений, которые тоже вынуждены были трудно выживать в тяжелые голодные времена. Тот же прадед Моисей, росший без родителей, или его бабушка-крестьянка, вынужденная работать от зари до зари, чтобы обеспечить скромным куском внуков – все это обозримое кровное мое древо могло исчезнуть безвозвратно в любом предшествующем поколении. Но какая-то жесткая, мощная пружина живучести, заложенная в постоноговской родне, помогала им не погибнуть в самых невероятных условиях. И несмотря на то, что я родился гораздо позже тех времен, когда они выживали на крапиве и лебеде, и о голоде знаю лишь по рассказам близких, мне передалась по крови эта запасливость на черный день. Мешок муки, мешок сахара, мешок риса, упаковка макарон – это мой небольшой продуктовый запас. Не от жира, а на всякий «пожарный случай», кто его знает, какие еще «подарки» судьбы нас ждут впереди?

Лет с пяти-шести моя мама уже помогала по хозяйству. Лет восемь было ей, когда отец отправил ее за обратом на заимку Бельтерек к знакомым казахам. А чтобы не было страшно, с ней поехала деревенская родственница – тетка Мария Саенко. У той Марии была обученная корова, не хуже лошади подчинялась ей. А прозвище у этой тетки было Чума Ночная. Дали ей его за то, что, отоспавшись днем, она на ночь куда-нибудь да ехала. Поспешает за теткой коровой моя мама на бычке, боится отстать: «Цоб, цоб, Мишка!» – подгоняет бычка своего. Торопится, а все равно отстает помаленьку. А тут еще змеища выползла на дорогу, красная, длинная, на всю дорогу растянулась. Бык встал, боится идти. Стоял пока не уползла. А тетки и след простыл. Чума Ночная бросила дитя посреди дороги одну, в сумерках. А нужно было еще перебираться через быстрый Курчум. Добралась все-таки мама до той заимки. Темно. Холодно. Голодный ребенок, перепуганный ночной дорогой. Добрая хозяйка на заимке, женщина-казашка, сняла пенку со сливочного масла, растопленного в казанке, и протянула девочке в поварешке. Облизала ее мама. И через шестьдесят лет, когда она мне об этом рассказывала, мама помнила, что была та поварешка «...такая вкусная. Я как заново на свет народилась, как поела, хорошо стало». Далеко за полночь было, когда мама вернулась домой. А в доме огни потушены, все спать легли – никто ее не ждет. Обидно это было. Очень. Мама об этом так рассказывала: «Нас никто не баловал. Одним меньше, одним больше. Бог дал, Бог взял». До того, как появился в хозяйстве бычок, на ту заимку вообще пешком ходили. Вброд перебредали Курчум, и обрат на себе таскали. Через этот же Курчум мама носила в мешках на спине своих младших братьев и сестер, с которыми нянчилась.

Саенко тетя Маруся хорошо знала казахский язык, запросто общалась с казахами. Ее и накормят, и напоят на заимке. За губой – табак, за халатом – батарея. И ночами напролет она не боится ездить потому, что знает сильно крепкие молитвы. Одна такая «молитовка» – от страха, от суда и от всего на свете, досталась моей маме от тетки Марии Саенко. Она тоже называется «Сон Пресвятой Богородицы».

«Мать Мария по морю ходила, Иисуса Христа за руку водила. Повела с ранней службы в позднюю, с поздней – на море. На море – камень, на камне – престол. На престоле Иисус Христос сидит, руки сложивши, голову склонивши. Подходят к нему Петро и Павел. Не глядите на мои муки, берите крест в руки, идите по свету и говорите старому и малому, бойкому и здоровому. Кто эту молитву будет знать, тому Бог будет грехи прощать, не будет в огне погорать, не будет в воде потопать».

не будет зверь нападать. Перед Страшным судом Сам Исус Христос придет, на руки возьмет и на небеса снесет. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь».

О своей работе на золотом прииске в Токпуре рассказала тетя Фрося: «Нам давали железные жетоны. Как сейчас помню, мой жетон был с номером 125. На работу приходишь – оставляешь, уходишь – забираешь. Раз по осени мы с девчонками – Таисией Панковой и Марией Стеблянко опоздали на работу. Не по своей вине. Той осенью у Стеблянко три волка порвали корову у всех на глазах, прямо днем. Вымя вырвали у нее. Отбить ее не смогли сразу, кричали, в ведра били... Казахи на конях подскакали и отбили корову, пришлось ее зарезать. В тот раз, когда мы пошли на работу, нам встретился волк. Мы шли по лесу, прошли через могилки, вдруг волк вышел на тропу, здоровый, серый, на нас смотрит. Сколько мы прождали – точно не скажу, только пока зверь стоял, я все молитвы вспомнила. Постоял на тропе и ушел, снег под ногами хруп-хруп... Побежали мы к Курчуму, на паром. Там трап, по которому лошадей переводят. Он обледенел. Мы как бежали, так все трое в воду ледяную и свалились. Прибежали на работу мокрющие. Бригадир Нестеров – хороший дядька, с отцом нашим дружил, пожалел нас, послал в барак обсохнуть. Но мы там зря не сидели, убрались, полы помыли, окна. Еду сварили – суп картофельный – вода да картошка, да соль. А потом на работу пошли, кто какую фуфайку дал, свое-то все намокло. А на этом золотом прииске все вручную, все на себе, все лопатами. Начальство с Курчума приехало, сверху смотрят, кто как работает, прииск-то открытый был. Все работают. Спрашивают: «А эта кто такая маленькая, а как мужик работает?» Отвечают: «Постоногова Фрося». Вообще, я крепко работала, мужикам не уступала».

Как я уже упоминал, в Токпуре вместе с моим прадедом Моисеем приехал его родной брат Петр. У Петра была дочка Агафья, приходившаяся моему деду двоюродной сестрой. Фамилия по мужу была у нее Дулепина. У этой Агафьи было двое детей – сын Володя и дочь Прасковья, троюродные брат и сестра моей мамы. Прасковья по мужу станет носить фамилию Исаенко и уедет жить в Шемонаиху. Володя Дулепин был на год старше мамы, они вместе росли. За Токпурой – гора, обрыв скальный, в котором жили копчики и дятлы. Володька, по словам моей мамы, был «проныра», всюду лазил. Полез он зорить гнезда и сорвался вместе с пластом камня. Повезло, что не на него плита упала. Сильно ушибся, долго поправлялся после того. О его судьбе известно немного. Мама рассказала: «Из армии он привез себе жену Тоню, отбил у какого-то офицера. Красивая она была. Взял ее с ребенком. Она ему еще двух родила, похожих на него сыновей. Стали жить они в Октябрьске на самом берегу Бухтармы. Море гнало волну прямо в огород. Остров там был, хозяйство держали прямо на острове много лет. Потом он почему-то развелся с женой. После того он недолго пожил. Рано умер».

Мамина тетка Агафья Дулепина умела делать сита. А так как в этой тонкой работе нужно хорошее зрение, то вскоре моя мама стала ей хорошей конкуренткой. Вот как рассказывает мама об изготовлении сит: «Берется волос с конских хвостов. Обычно подстригал хвосты отец или хозяин коня. Спариваешь два волоска, делаешь основу и иголкой ткешь. Потом натягиваешь на «абичайку» – круг для сита». Продавать сита ходили пешком в Койтас, восемь километров

до него. Возле каждого дома собаки злые. Страшно ходить. Мне представляется мама бойкой рыженькой веснушчатой девочкой, которая ходит под окнами домов в Койтасе и кричит: «Кым калбыр аласын? Кым калбыр аласын? – Кто сито возьмет? Кто сито возьмет?»

Кроме сит мама брала в Койтас вязаные кружева, которые тоже делала сама, «попушки» табака, лук домашний. Часто она ходила туда вместе с сестрой Ефросиньей. Наменяв свое добро на пшеницу, шли домой и тащили на себе тяжелы мешки. Маме тогда лет двенадцать было. Она вспоминает: «Один раз две речки перешли, первую – нормально, а вторую едва-едва: по пояс воды в Курчуме, ноябрь был, шуга шла по реке. Около трех километров было до мельницы, где работал татарин Опыш. Но там его не оказалось. Развернулись в Токпуру и опять бредем по речкам с мешками назад – боялись оставить, чтоб никто не украл. Отец еще накричал дома: «Пошто не кричали, меня не звали?!» А разве докричишься! Далеко!»

Знание казахского языка маме здорово помогало. Сызмальства она выучила его. И дядя Боря тоже знал язык степняков не хуже русского. Разница у сестры с братом всего два года, вместе они играли, вместе росли. И друзья у них были казахи. Им приходилось вместе выживать – они делились друг с другом и хлебом, и куртом, и редкую конфетку делили пополам.

А вот какие учителя были у моей мамы в школе. Кунарбек Эдилбаевич, присланный в Токпуру после фронта, был офицером в отставке. Ходил, «как гестаповец». Жена у него была русская, Шурой звали, работала она в магазине продавцом. Жили они в школе, где он преподавал. Когда он бил жену, вся школа разбегалась. Было у этого учителя двое детей – Осман и Салман. У них на голове был грибок. Отец привязывал их к стулу и брил опасной бритвой на глазах у всех школьников. До крови срезал коросту с головы. Один раз сорвался сын с такой привязи и убежал в горы. Несколько дней его искали. Бывало, что он на замок закрывал детей в школе и забывал про них. Еще Кунарбек Эдилбаевич жутко избивал учеников. Маминого троюродного брата Володю Дулепина так ударил, что тот стукнулся об доску. На доске в том месте был гвоздь, на него и насадился головой парнишка. Если этот «учитель» ставил в угол, то давал в каждую руку по кирпичу, чтобы держали на вытянутых руках. А маму мою так кинул за руку в угол, что она ударилась головой о железную ножку доски. Со рта и носа кровь пошла. Унесли ее домой. Мама много дней не могла встать, думали – не выживет. Получила сотрясение мозга и испуг, который долго лечила бабушка Стеша. Из Чистого Яра приехал фельдшер Гаврил (отчества мама не помнит). Он дал микстуры две бутылки, от нее стало легче. Мой дед в ту пору еще находился на службе в армии. Родители избитых детей написали про учителя-изверга в район. И вот на улицах деревни появилась толпа незнакомого народа. Увидев это шествие, направляющееся к дому Постоноговых, мама испугалась. Подумала, что опять идут ее бить, и спряталась в бочку под отрепья. Долго ее не могли найти. Вытащили, всю в устюках ячменя, затащили домой. По дороге она крепко уцепилась за дверную скобку, от которой ее едва оторвали. В толпе были и ребяташки, которые почему-то плакали. Подумалось маме: «Ага, раз они уже плачут, значит, их уже побили. Теперь за мной пришли, меня бить будут». Увидела собственными глазами эта комиссия, приехавшая по поводу учителя-фронтовика, воюющего с детьми, последствия такого «учительства». Убрали Кунарбека Эдилбаевича, дав ему на все сборы 24 часа. Раньше долго с виновными не разговаривали. Вместо

фронтоника прислали хорошего учителя из Буденовки, что находилась в 12 километрах от Токпуры. Его звали Михаил Никанорович Назаренко. Это был умный и доброй души человек. Жил он на квартире у Постоногова Моисея Ивановича. У него был велосипед, на котором он ездил в школу. А со временем учитель приобрел маленький мотоцикл и всех на нем катал. Сворой бегали за ним ребятишки. Полюбили его дети, привыкли к нему. А вскоре Михаил Никанорович разбился на том мотоцикле насмерть. Сменил его новый учитель Семен Фирсович Анохин. У него было двое детей – дочь Шура и сын Толик, которые «здорово играли на гармошке».

Вскоре старшие мамы сестры стали выходить замуж. Мама рассказывает про тетю Веру и ее замужество: «Вера до чего красивая была у нас. А на ее свадьбе в Маралихе слезили бабу Стешу. Кто-то сказал: «Смотрите, а мать-то молодо выглядит, как сама дочка!» И ей плохо стало. Ее лечил дед Мелкозеров, он был наставником кержаков. В этой Маралихе кержаки крестили детей в речке, в ключе-арыке большом, что бежал в огороде от речки Маралихи. В эту кержацкую деревню Вера и вышла замуж за Германа Ионина. Роста он был невысокого. Крепкий, коренастый, веселый. Он уже отслужил в армии. На девять лет был старше ее. Увез Веру в Маралиху. Там он работал на сплаве бревен. Пять сестер было в семье у Геры. Они приехали с Китая. Настоящие кержаки. Отца звали Нифантий. Он по-китайски знал. Хороший охотник и рыбак был. Рыбу всегда ловил – шук, налимов, тайменя... А мать – Варвара Кондратьевна, хорошая женщина была, красивая, всегда Богу молилась, на коленках простаивала перед Образом. Вся их родня в Австралию подалась. Там они хорошо устроились. А наши здесь остались мыкаться». От этого крепкого кержацкого корня разрослась моя родственная ветка Иониных: Василий, Шура, Володя и Федор – мои старшие двоюродные братья и сестра.

Про тетю Таню, самую старшую свою сестру, мама всегда рассказывала с грустью, жалея ее. О муже ее, дяде Вове Брызгалове, я только и знал, что он повешался, когда они жили в Мариногорке, в доме на горочке. Попытки суицида у него были и до этого. Вот как раскрывает фамилию «Брызгалов» в этимологическом словаре «Русские фамилии» Юрий Федосюк: «Слово «брызгало» имеет следующее значение: человек, который, не выслушав хорошенько, что ему говорят, готов спорить и ссориться. Очевидно, от «брызгать слюной».

Мама рассказывает о старшей сестре: «За Таней раньше ухаживал Степан Шуткин из Буденовки. Он баянист был, веселый, деревня в пляс пускалась, когда он играл. Днем Степан работал, а вечером или ночью приезжал на лошади, привозил фляги с керосином. Света не было. Хороший парень был этот Степа. Думали, что Таня за него замуж выйдет. Да не то получилось. Черт принес этого Брызгалова. Засватали и прямо на санях увезли к себе в Чердоjak за 40 километров от нас. Тане тогда было двадцать лет, красавица была, с косищами до пояса. Это было зимой 1951 года, мама тогда с животом ходила – дядей Васей беременная. У Татьяны уже двое детей было, Коля и Саша, когда ее мужа посадили. Одна из них вырастила, и ничего путного в жизни своей не видела. А что касается Шуткина Степана, так его кто-то из знакомых видел в Шемонаихе. Старый совсем стал. Все Таню вспоминал, говорил, что сгубила она не только его жизнь, но и свою. Судьбу не обойдешь, не объедешь».

Мой старший брат Николай Брызгалов был незлобным, немного угрюмым человеком. К сожалению, он повторил судьбу своего отца: сидел в тюрьме, а потом прервал свою жизнь в самом расцвете, не оставив потомства. Не дожив до пятидесяти лет, умер и второй мой брат по брызгаловской ветке. Его мы всегда вспоминаем добрым словом. Александр был душой компании. Для родственников он был объединяющим звеном, надежным и крепким. Говорят, что незаменимых людей нет. Спорное выражение. Когда не стало Сани Брызгалова, рассыпались многие родственные связи, некому их связать так, как это умел делать он. Саша мог объединить за одним столом всю мою эмоциональную, импульсивную постоноговскую родню, связать в кровное единство разные поколения. Возле него примирились и прощали обиды друг другу. Непросто было отсидеться на совместных гуляниях где-нибудь в уголке и не пуститься в пляс следом за братом. По сути он был созидателем, а по профессии – строитель, бригадир. Со своей бригадой он много построил объектов не только в Заринске, но и по всей Сибири. Как профессиональный строитель, умеющий строить добротные дома, он созидал, он умело выстраивал добрые отношения со всей своей родней. Виталий, сын Александра, пошел по стопам отца, став хорошим строителем. Также от Александра осталась дочь Анна.

Вторая мамина сестра, тетя Фрося, вышла замуж за вдовца – Ивана Кирлана. После смерти жены у него на руках остался маленький сын – Коля. Тетя Фрося стала ему матерью, и вырастила всех вместе: Колю и еще двух рожденных в браке с Иваном детей – Сергея и Ольгу.

О Токпуре, своей родине, мама может говорить часами, вспоминая свою родню и земляков.

Жили в Токпуре и корейцы, две семьи, обе – Кимы. В одной семье мужа звали Тень, а его жену Сара. Детей они сильно любили, а своих ребятишек у них не было. Свою любовь они выплескивали на чужих детей. В огороде у них всегда был хороший урожай, особенно много было помидоров. Надо заметить, что в предгорьях, где находилось село, из-за близости к белкам редко у кого в селе вызревали помидоры. Как Тень и Сара получали свои урожаи – секрет. Все ребятишки села любили эту семью за их доброту и щедрость. Когда в огороде поспедали помидоры, Кимы собирали их в большую корзину и выносили на улицу. Поставив ее посреди улицы, Тень и Сара зазывали ребятишек к себе и угощали их. Сколько босоногой ребятни накормили эти простые люди! Жаль было расставаться односельчанам с этой хорошей семьей, полюбившейся всему селу. Многие плакали, когда они уезжала из села. Было это в году 1947-м или 1948-м. Сначала Тень увез Сару в Курчум, а потом вернулся, чтобы продать дом. Всего за 300 рублей продал Тень свою избу и пошел пешком, с узелком в руке к своей жене. Когда переходил Курчум, то намочил деньги и расположился на берегу, где стал просушивать мокрые купюры. На том бережке и нашли его застреленным. Вся Токпура плакала, узнав о гибели Теня. Убийцу нашли по пыжу, оставленному на месте преступления. На нем была написана фамилия преступника – кто-то из его семьи на газетном листочке неоднократно накарывал свою фамилию, набивая руку в росписи. Была она «птичья», не то Уткин, не то Голубев – позабылась за ненужностью. А Теня и Сару Кимов мама до сих пор вспоминает с уважением.

Вторая семья корейцев, как я упоминал, тоже были Кимы. Один сын учился вместе с моей мамой в одном классе и был отличником. Звали его Володей. Однажды отправились за ягодой три подростка – моя мама, брат мамин дядя Боря и Володя Ким. В тот год рясная была малина. Сначала шли от Токпуры до Маралихи 25 километров. Там переночевали у одной из старших маминых сестер – тети Веры, которая вышла замуж в кержацкую семью. От Маралихи на следующий день они прошли еще 25 километров до рудника Желтыря, где работали мой дед и отец Володи Кима. Отца в палатке мама не застала. Рядом сушилась малина (с ведро было собрано), по желобку сок сбегал в баночку. Поели малины, и мама отравилась. Дальше об этом случае она рассказывает так:

– Хорошо, что Саенко бабушка была там, стала меня лечить. Она много знала, даже от укуса змеи лечила. Саенко сняла ложку плесени со сметаны старой и дала мне, тем и вылечила меня... А потом мы отправились в обратный путь. У Бориса за спиной туесок с медом, у меня – полмешка малины, а Киму отец положил кислицы полмешка. У Володьки и так с кислицы сок бежит. Да еще разыгрались мы, разбесились, давай Киму кулаком в мешок тыкать и соком его мазать, передрались все. Навстречу нам попался казах-старик на арбе, говорит: «Ойбой, кандай каракат (весь в ягоде)». А назавтра Кимиха спрашивает у моей матери: «Стеша, что твои принесли?» Мама отвечает: «Ягоду». А та ей жалуется: «А мой одни шкурки принес».

Вспоминает моя мама о той поре с улыбкой и продолжает: «После того хождения за ягодой Володька Ким стал за мной ухаживать. Раза два меня побил. А когда терпежу уже не стало, я взяла нож охотничий, которым тятя шкуры выдeldывал – барсуков, медведя, весь вечер с ножом проходила, но он не появился. Потом пригрозила ему: «Кишки выпущу!» А намерения были серьезные – отбиться от него. И тогда только Володька перестал ко мне лезть... А потом, говорили, что он стал каким-то начальником в Бухтарме».

Уже в начале 50-х работы в Токпуре не стало. Рудники стали закрываться. У моего деда в «Трудовой книжке старателя» от 12 марта 1950 года записано: «Уволен из старательной артели «Шахтер» участка Токпура по собственному желанию». С апреля по ноябрь Иван Моисеевич проработал в Курчумском лесхозе. Больше записей в книжке нет.

Особенно запомнился моей маме год смерти Сталина. Снова был голод. Грибы спасли. В тот год по всем уремам и гористым рощицам вокруг Токпурыросло их несметное количество. Особенно груздей было много. Насолили несколько бочек, погрузили на бричку, и мама на пару с отцом отправились продавать их в Курчум. До него чуть меньше ста километров. Только заехали в реку, как сломалось колесо у брички. Мама рассказывает: «В то время проезжали мимо два всадника-казаха на конях и, спасибо им, помогли. А то вдвоем бы мы не поставили колесо на груженую бричку. Есть Бог на свете! И пока мы не переехали быстрый Курчум, наши попутчики были вместе с нами». С горем пополам добрались они все-таки до районного центра, где остановились у Шевляковых – с главой семейства вместе мой дед в войну до Берлина дошел. Радушно встретил хозяин своего фронтового друга. Запомнились Шевляковы моей маме своим гостеприимством, добротой. Бричку оставили у них во дворе, а от них на тележечке отвозили грибы на базар. Весов не было, продавали грибы чашками. Моя бойкая мама на русском и казахском стала звать покупателей. Впрочем, в то голодное время 1953 года особой рекламы

на продовольствие и не надо было. Сама собою образовалась очередь. Мама только успевала чашки набирать. А дед едва успевал подвозить тележки с грибами. Бойко расторговала мама грибы. Мой дед, который редкий раз позволял себе притронуться к спиртному, решил обмыть удачную торговлю. В пивной забегаловке у него вытащили все деньги. Так печально закончилась эта история с грибами.

И все таки Господь никогда не оставлял семью моего деда. В самый последний момент, у последней черты, Бог всегда посылал какое-нибудь спасение и добрых людей. И на войне тоже Иван Моисеевич чувствовал, что находится под защитой свыше. Потому и пришел с фронта без единой царапины. Это был уникальный человек, мудрый хозяин со светлой головой и золотыми руками. Если он шел на рыбалку, то всегда приносил рыбу. На охоте был удачлив. Это про такого, как мой дед, охотника сказано, что на ловца и зверь бежит. Пчелы на небольшой дедовой пасеке обильно носили мед. А если говорить про его столярные и плотницкие умения, то диву даешься, сколько всего умел делать один человек. Он умел делать из дерева грабли, вилы, прялки, веретена, сундуки, санки... Плел плетни. Легко собирал ульи, сколачивал лари. Гнул лыжи. Рубил дома. Делал красивые кошевки, на которые всегда были заказы. Плел веревки. Делал мордушки. Вязал сети и невода. Это лишь неполный перечень того, что умел делать мой дед. Во всем он имел свое творческое видение, умело воплощая задуманное. Мамин брат дядя Боря рассказывал, что на удивление всем мой дед связал невод целиком с мотней, которая не ввязывалась отдельно, как делали это все мастера. Невод шел единой вязью.

В 1950-х годах Иван Моисеевич обеспечивает семью пропитанием за счет рыбалки и охоты. Рассказывали, как мой дед рыбачил зимой. Выдалбливал пешней лунку и присаживался на корточки на постеленный возле лунки мешок. Другие рыбаки, не дождавшись клева, уходили в поисках других мест. А деду не надо было далеко ходить, знал он заветное слово. Зимой хорошо видно, как на фоне белого снега рыбаки в черных шубах вытаскивают рыбу. Издалека видно, когда кто-то тащит. Удачливый рыбак, наматывая леску, машет раскоряченными руками, как мельница. Иной рыбак шумит, радуясь пойманной рыбке, похваляясь всем своим умением. Мой дед был не таков. Он тихонечко вытягивает блесну, кладет красноперого окуня в мешок. Немного подморозив на снегу, складывает к окуню и зубатую щуку. Помаленьку набивается мешок рыбкой. А когда к нему возвращаются уставшие рыбаки с небольшой поклажей, то видят – сидит мой дед на полном мешке, улыбается. Начинают долбить рядом лунки, пусто. Пытались даже с его разрешения закинуть свою блесну в дедову лунку, и то бесполезно. Выпросить блесну пытались у деда, но и это зряшное занятие. Не в блесне дело, а в другом. Дед этого никому не скажет. Оба младших сына Петр и Василий пошли в деда своей удачливостью на рыбалке.

На охоте деду тоже везло. Он читал следы, знал повадки зверя. С охоты всегда возвращался с добычей – птица, косуля, кабан. Медвежье мясо тоже бывало иногда в семье. Именно медвежатины хотелось отведать деду перед смертью.

Как-то дед рассказал мне, что однажды на охоте он набрел на интересное местечко. На взгорье присел отдохнуть и услышал глухой подземный звук неподалеку. Вскоре нашел небольшую дыру, которая отвесно уходила в глубь горы. «Темно в ней, как в преисподней, ветром оттуда сквозит, а где-то на самом дне слышно, как сильная горная река бежит своим, ведомым ей одной, путем».

Детей в семье моего деда воспитывали в строгости. Частенько дед потчевал ремнем непослушных деток. Но наказывали только за дело. А дел таких полу-

чалось не мало. Здорово доставалось старшему из сыновей Борису. Столько в нем энергии было, что не всегда справлялся с собой дядя Боря. Бегал по улицам босиком, даже колючек не чувствовали ноги. Однажды притащил он домой пилу, думал, что отец похвалит за хозяйское отношение к чужому добру. Да не тут-то было. Иван Моисеевич спокойно спрашивает у сына:

– Где ты раздобыл эту пилу?

– У Панковых. Пока дед, седая борода, ушел по своим делам в огород, я прихватил, радостно отвечает сын.

У деда прут лежит для такого случая, тонкий, гибкий.

– На-ка, сынок, получи!

Звонкий разгулялся по ягодицам прут. Мальчишка приплясывает казачка в такт разыгравшемуся пруту.

– Тя-тя, я больше не буду...

– Воров у нас еще в родне не было! – продолжает свое учение прут. – Где взял, туда и положи!

Больше чужого добра дядя Боря не брал. Верный, значит, преподавал отец ему урок.

В Токпуре было несметное количество змей, всяких разных цветов. Даже в дом заползали. Раз шипит что-то в чулане. Дядя Боря рос безбоязненным мальчишкой, говорит: «Шипит, значит, змея». Пошел и поймал ее руками. Черная, небольшая, но страшно ядовитая. Точно такая же змея укусила однажды дедовскую лайку. Та собака была охотницей на змей. Через несколько минут лайка умерла. Мне самому пришлось наблюдать в родном селе лошадь, укушенную змеей. Страшное зрелище представляло бедное животное. Живот чуть не до земли провис, позвоночник прогнулся, ребра торчат, обтянутые кожей. Лошадь-инвалид.

Дядя Боря за свою жизнь переловил десятки разных змей. Один раз вместе со своим троюродным братом Володей Дулепиным мой дядька выловил в горах крупную змею. Взял голову змеи пальцами, а она обмоталась вокруг руки до самого плеча. Баба Стеша испугалась за сына. А когда сняли змею с руки, мать сказала, чтобы сожгли ее на костре и обошли с ней вокруг дома – это защита от укусов змей. После того дядя Боря переловил еще уйму змей, и ни одна змея, к счастью, его не укусила.

Хотя в селе такие случаи бывали. Меньше повезло Кате Евлановой. Это была крупная, крепкая сложением девчонка, которую укусила змея. Рассказывают, что вылечили ее народными средствами.

Когда-то мой дед, Иван Моисеевич, оставил мне заговор, который так и называется «От укуса змеи». Вот его текст.

Змея и головня, змея и черна,
Змея и красно, змея и серо,
Змея и пестро, змея и летуче,
Змея и скакуче, змея и ползуче,
Змея и жалюче. У тебя, змея,
Вода – в море, а у меня, раба божьего Сергия,
Вода в роте (во рту).

При чтении этого заговора нужно безымянным пальцем водить вокруг укуса. Семьи в то время были большими, многодетными. Старшие дети воспитывали младших. Нужно было иметь крепкий характер, чтобы выжить в те годы. Дядя

Боря вспоминал про девочку из Токпуры Нину Стеблянкину: «Она пошла в гости к Кучкиным. А у них собака с цепи сорвалась и на нее кинулась. Эта девчонка не растерялась, ухватилась руками за обе челюсти, чуть не порвав собаке пасть. Сил, видимо, для этого не хватило. Едва Нину оттянули от собаки. Бедный пес не рад был своей участи, едва вырвавшись из цепких рук бойкой девчонки».

Много речек бежит возле Токпуры. Одна пробегает через село, называется эта речка, как и село, Токпурой. Ниже – быстрый ледяной Курчум, ворочает камни, ревет. В другой стороне есть речки Киинца и Жаман Киинца («Плохая» речка). Из тальника делал мой дед решетчатую мордушку, ставил ее в середку реки, а по краям перегораживал. Так ловил хариуса и тайменя. Места по речкам заросшие, любят такие рощицы кабаны. Да и медведь нередко навевается в эту местность. Деду некогда проверить мордушку, посылает мою маму и дядю Борю к речке. Дядьку трудно чем-нибудь напугать, самого черта за хвост притянет, если понадобится. А мама – девчонка все-таки, страшновато ей: «Тятя, я боюсь». Дед неумолим: «Иди с Богом! Господь с тобой!» Идут брат и сестра мордушку проверять. С рыбкой назад возвращаются.

Про одну похожую ситуацию маме рассказали уже в семидесятых годах в Ново-Тимофеевке. К нам в гости зашел мужчина, который тоже был родом из Курчумского района, из казачьего села Платово. Это село находилось неподалеку от Токпуры. Наш гость в детстве также ходил проверять мордушки с младшим братом и старшей сестрой Анной. Ей в ту пору было лет десять-одиннадцать. Анна, по его словам, уже в том возрасте была «разбойницей». Шел этот небольшой казачий отряд проверять мордушки по узкой тропе, густо заросшей с обеих сторон деревьями и камышом. Атаманша Анюта, с ружьем наперевес, возглавляла казачий выводок. Возле самой речки из густого кустарника на них набросился медведь. В упор выстрелила Анна в навалившегося зверя, который успел сорвать с нее скальп. Медведь остался лежать на тропе, убитый наповал девчонкой, которая, истекая кровью, сама возвращалась домой. На подходе к Платово она стала терять сознание, и младшие братья восьми и десяти лет донесли ее домой. Нечего сказать, порыбачили! Еще гость добавил про свою сестру, что после той знаменитой рыбалки Анюта еще больше стала «разбойницей».

Поколение моих родителей с детства было приучено отвечать за свои поступки. На их детство выпала страшная война, задев каждого прямо или косвенно. От нее нельзя было спрятаться, она сама приходила в гости, присылая похоронки, возвращала искалеченных солдат. У каждого ребенка в семье были свои обязанности. Эгоистом в таких условиях вырасти было невозможно. Ответственность за других лежала на каждом члене семьи.

Вспоминая свое детство, моя мама припомнила и другие фамилии родственников: Молчановых, Хромовых и Завоевановых. А также вспоминала знакомые места. Не раз ей приходилось бывать и в Буденовке, и в Коробе. Возле Буденовки, с километр от дороги, шла хорошо проторенная тропа. Она вела к роднику. Но родник этот был необычным. Там лежала большая каменная плита, посередине которой находилась дыра, из той дыры бил мощный фонтан и разливался кругом. Вокруг рос густой тальник, кустарниковые заросли. Люди заезжали туда утолить жажду. Хлебушек макали в воду и тут же ели. Еще – змей было там множество.

Рядом с Буденовкой находилось большое село – Короба, где было теплее, все росло и вызревало. Там жил родной брат моей бабушки Степаниды Антоновны – Иван Корягин. Думаю, что он переехал сюда после смерти своего отца, о котором я уже упоминал – хромого вдовца с недюжинной силой. О жизни моего прадеда Антона в Казахстане нет никаких упоминаний. Младший их брат Савелий Антонович Корягин погиб на фронте. А Дарья Антоновна, единственная сестра моей бабушки, жила в Томске. Известно, что она выходила замуж и у нее был ребенок но он умер. Дарья Антоновна поддерживала родственные отношения со своими родными. Из Томска она не раз приезжала в Токпуру. Маме она запомнилась, как добрая, веселая женщина: «Последнее отдаст, одежонку привозила, подарки, все раздаст, каждому хоть конфетку, а даст».

Иван Антонович Корягин силой пошел в отца, очень крепкий был. К тому же был красавец, чернявый, статный. Правда, «поддавал хорошо». Тетя Фрося рассказывает: «Как выпьет, идет бить Панкова дядю Мишу. Что он ему сделал, за что он невзлюбил Панкова? Каждый раз, приезжая к нам в Токпуру, шел бить Панкова, не мог без этого! И тогда мама посылала нас с Анькой (моей мамой) за своим братом. А дядя Ваня сердцем отходчив был. Анна за ногу ему зацепится, а я с ним по-своему разговаривала...» Мама дополняет: «Ефросинью он страшно любил, любимая племянница у него была. Когда мама нас посылала за ним, я за ногу схвачусь ему, а Фроська матом ему: «Накой ... он тебе нужен?» Оторвем его от Панкова и зовем домой. Слушался он Фросю, шел послушно с нами. А когда он уехал в Павлодар, и когда умирал там, все хотел Фросю увидеть, жалел, что с ней не мог попрощаться!»

Жизнь у Ивана Антоновича была непростая. В Коробе он женился на Полине Величко. Хорошая была женщина, добрая. О ней мама вспомнила такой случай. Маме было пять-шесть лет, ее поставили охранять просо, которое только что намолотили. Кругом воробьи летают, воруют. Мама погоняла их маленько, а потом прилегла рядышком... Солнышко пригрело. Видимо, мама засмотрелась на свои волосы, потому что хорошо помнит, какие они были в тот момент – густые, желтые, золотые, и блестели на солнышке. И не заметила, как уснула. А вскоре пришла тетя Поля, увидела спящую маму, пожалела ее, голову от устиков обтряхнула, приговаривая: «Милый ты мой охранник, сторож ты мой хороший, посадили тебя охранять». Пожалела.

Еще мама вспоминает: «Когда наш отец ушел на фронт, тетя Поля сильно нам помогала. И макуху (жмых) давала, семечки, кукурузу, брынзу, она соленая-пресоленая. Как-то она дала полбулки хлеба Ефросинье. Фрося принесла домой и поделила на всех». Дорога между селами, по словам моей мамы, была тяжелой: «Ходили из Коробы в Токпуру через Косынкин Лог узкой тропой. Там верхом на лошадях, на бричке не проедешь – трущобы. Осиной весь лог зарос, издалека кажется, будто косынка из осины в том логу, потому и назвали это место Косынкин Лог. Там родник был ледяной, хороший. А однажды с мамой (Степанидой Антоновной) чуть беда не случилась. Киинца в ту пору разлилась, маму сбilo с ног и понесло рекой. Хорошо, что тетя Поля провожала ее домой. Она подала длинную ветку и вытащила маму из воды».

С грустью мама рассказывает про дальнейшую жизнь тети Поли Величко и Ивана Антоновича Корягина: «У нее с дядей Ваней была совместная дочка, которую звали Лидией. Она родилась перед войной, в 1940 году, и была похожа на своего отца. Когда Лида выросла, то выучилась на стоматолога и стала жить в

Усть-Каменогорске. Но это все было позже. А в то время, когда Ивана Антоновича забрали на фронт, Полина Величко не стала дожидаться мужа и вышла замуж за казаха, родив от него мальчика. Баба Стеша сразу же прекратила с ней общаться и написала брату в письме о непристойном поведении его жены. По этой причине он не вернулся с фронта в Токпуру, а уехал под Павлодар. Со второй женой ему тоже не повезло. Он поймал ее с мужчиной и захлестнул поленом насмерть. Когда его посадили в тюрьму, там он объявил голодовку и голодал 24 дня. В конце концов его выпустили. А вскоре Ивану Антоновичу повстречалась замечательная женщина по имени Галина, которая родила ему двух парней – Ивана и Сашу и трех или четырех девочек. Жили они под Павлодаром в селе Аниканово».

В пятидесятых годах стали закрываться некоторые рудники, и люди стали разъезжаться в поисках лучшей доли. Семья Постоноговых тоже вынуждена покинуть Токпуру, родину моей мамы и пятерых ее братьев и сестер. За несколько лет они совершили несколько тяжелых переездов, пока не оказались в Мариногорке Самарского района, где в 1959 году родилась последняя моя тетя – Наталья. Она была десятая по счету из оставшихся в живых детей Ивана Моисеевича и Степаниды Антоновны. Моему деду было пятьдесят три года, а бабушке в тот год исполнилось сорок восемь лет. Следует обратить особое внимание на то, что у Степаниды Антоновны был врожденный порок сердца. Под этим сердцем она выносила двенадцать детей, каждый раз рискуя в первую очередь собственной жизнью.

Мама подробно пересказала мне маршрут, который пришлось ей совершить вместе с отцом и братом Борисом в поисках нового места жительства. Мамины рассказы пестрят казахскими названиями. Многие из них отсутствуют на картах, но сохранились в ее памяти. Эти приключения достойны того, чтобы о них рассказать.

Будучи хорошим охотником, мой дед исходил с ружьем не одну сотню километров. Не один раз он ходил на Зайсан к своему брату Федору. Маршрут к Ушкумею был им изучен прекрасно. И вот в 1955 году мой дед снова совершает многокилометровый переход. На этот раз он берет с собою мою маму и дядю Борю. Выбор пал именно на них потому, что на тот момент они были старшими. Татьяна, Ефросинья и Вера к той поре уже жили отдельно.

Из Токпуры они отправились в сторону Белой Могилы в трехсоткилометровый переход горами, солончаками, через реки и огромное озеро. Видимо, так начинался переезд на новое место, потому что из Токпуры они вышли всей семьей. Была весна. Они перебрались через Курчум, на берегу которого соорудили балаган. В этом небольшом жилище дед сделал печку, и бабушка с оставшимися детьми должна была здесь дожидаться возвращения мужа. Для чего дед сорвал всю семью с места той весной? Я думаю, по простой причине. Так как решение о переезде было уже принято, то не было смысла пережидать весеннее половодье. Как и любая горная река, Курчум после таяния снегов поднимается на несколько метров и перекрывает сообщение между берегами на несколько месяцев. В апреле-мае идет первое половодье. В июне-июле вторично поднимается вода, когда тает снег на вершинах гор, это второе таяние кержаки называют «земляной водой». Я думаю, что риск был оправдан, и мой дед, как всегда, хорошо просчитал свои действия. Бабушка должна была продержаться несколько недель до возвращения главы семьи, а потом успеть перебраться на новое место до окончания посадки огорода, чтобы кормиться своими овощами уже этим летом. С бабушкой в балаганчике осталось четверо детей – Тамара, Шура, Петя и Вася, которому в ту пору было всего три года.

В апреле 1955 мои родственники совершают поход через Зайсан. Моя мама была обута в калоши и вскоре вымочила ноги. Поднялась температура, она заболела. На десятки верст не было никакого жилья. Долгим и трудным показался ей тот путь, и потому хорошо запомнился. Несколько дней они шли до избушки, стоящей на берегу озера. В ней жил сторож, охраняющий бакены. Сторож-казак давно не видел людей и радушно принял странников, накормил рыбой, пустил переночевать. В то время ночевщикам не отказывали. Мама спала в уголке. Высокая температура не падала. Блохи, расплодившиеся в этой избушенке, не давали ночлежникам спать. Утром они встали и пошли в сторону Каракаса. Болезнь отнимала силы, и мама все время отставала от отца и брата. Шли они по огромному безлюдному пространству. Вдруг под ногами у мамы оказалась бутылка. Она подняла ее. В ней – остаток водки. Выпила. После этого ей стало легче, отпустил кашель, и она догнала своего отца и брата. А вскоре мама поправилась. Господь испытывал, но не покидал мою маму, находясь рядом.

В Каракасе заночевали в теплой избушке, наелись рыбы. Этой рыбы на льду возле Каракаса огромное количество наловлено. Лежат кучами прямо на льду окуни, судаки, щуки... С Каракаса пошли на Ушкумей. Во всех поселках на Зайсане множество рыбы. В Ушкумее, возле дома Федора Моисеевича, их встретила свора собак, штук пять или шесть. Они уже знали моего деда и приветствовали его радостным лаем. У брата Федора можно было отдохнуть. В Ушкумее – тоже горы рыбы. В камышах водится множество диких свиней. А так как дед мой был хорошим охотником, то вскоре подстрелил кабана. Впервые за долгое время наелись до отвала мяса. С голоду все очень вкусно было.

Там же работали два узбека, рыбу потрошили, вязали «фашины». «Фашинами» называются камышовые перекрытия, которыми застилают навесы и веранды. В те дни к брату деда за рыбой приехал из Семипалатинска инженер Путинцев Петр Петрович. Видимо, мама ему понравилась, и он решил за ней поухаживать. Вечером хотел ее поцеловать, но мама с силой оттолкнула мужчину. И в тот же миг на него набросилась свора собак, так что еще спасти его пришлось.

Каждый день мой дед возвращался с охоты с добычей – гагары, утки... Этой удачливости моего деда, не скрывая, завидовал родной брат. Он провоцировал на конфликт моего деда, которому ничего не оставалось, как отправиться на поиски другого пристанища. Оттуда мои родственники пошли в Кокпектинский район, в совхоз Большевик, где подыскали жилье. Месяц продлилось это путешествие. С этого совхоза на машине отправились «первопроходцы» за семьей. Степаниду Антоновну с младшими детьми отправили на машине, а корову с теленком пришлось гнать пешком. Погонщиками были дед, моя мама и троюродный брат матери Володя Дулепин. В мае стояла сильная жара. В Кокпектинском районе, где мало воды и много солнца, было тяжело идти. Изнывал теленок от жажды. Приходилось доить корову и поить этим молоком теленка. На новом месте имелась какая-никакая работа. Мама устроилась работать в пекарню. Но прожили там недолго и вскоре переехали в Большую Буконь, что находилась в том же районе. Сюда из Томска вернулась тетя Фрося. Вместе с моей матерью они топтали глину, из которой делали саманы. Они успели сделать несколько тысяч глиняно-соломенных блоков, которых бы хватило не на одну избу, когда произошла история с быком. Этого быка одолжили на время работ, но тот убежал, доставив деду неприятности. Иван Моисеевич работал плотником, но из-за

убежавшего быка пришлось продать весь саман и уйти с работы. Из Большой Букони семья Постоноговых перебирается в соседний, Самарский район, в село Мариногорку.

В Мариногорке Постоноговы хорошо обустроились. Это было крепкое село. Появились новые друзья. Пока не было своей бани, Степанида Антоновна ходила в баню к Луценко тете Нюсе вместе с бабушкой Резепой. Один раз она не пошла, а те две бабушки угорели насмерть.

В то время полным ходом шло строительство, и мама работала на стройках – в Мариногорке помогала строить дома, в Джумбе и Бастаушах строила птицефермы. В то время директором машинно-тракторной станции в Мариногорке был грузин, которого многие хвалили. Он принял маму на работу весовщиком в Московку, которая находилась в нескольких километрах от Мариногорки. Это единственное место, где моя мама могла отдохнуть от тяжелых работ. А в восемнадцать лет моя мама устроилась работать на валку леса неподалеку от Пантелеймоновки, в Чебуркаин, километрах в семидесяти от дома. Сначала она работала поваром, а затем сама валила лес вместе с земляком – мариногорцем Вениамином Вальтером. Этот пожилой человек всегда хвалил маму ее родителям за хорошую работу. Там же, в Чебуркаине, работал и мой дед Иван Моисеевич. Зимой одинокую избу, где жили лесорубы, заметало по самую крышу.

Однажды метель замела все пути, и мой дед зажег на листе солярку, чтобы на свет ориентировались люди, застигнутые непогодой. В ту непогодицу на дедов маячок собралось много народу. Кроме своих лесорубов вышла на этот свет заблудившаяся Чистоярская бригада Бутрина Михаила Ивановича. Битком набилось народу в избе, негде было сидеть. Запомнился маме бригадир чистоярцев – видный мужчина, фронтовик. Крепкий собой, с густыми, как у Брежнева, бровями. Он просидел всю ночь за столом, рассказывая интересные истории и веселые анекдоты. Свет керосиновой лампы освещал лицо рассказчика. В избе было тепло и всем хватало места. Так дружно, «в тесноте – да не в обиде», жили когда-то люди – мой народ.

А через несколько лет, окончив медучилище, моя мама по распределению попала в Чистый Яр, где встретила с моим отцом. Тот фронтовик, ночной гость из Чебуркаина, оказался дядей моему отцу. С Михаилом Ивановичем Бутриным нашу семью свяжут не только тесные узы родства, но и крепкая дружба.

Прежде чем вернуться к повествованию о своем родном побережье, закончу начатую тему. Тополев Мыс, с которого началась история поселения моих предков по постоноговской линии в Казахстане, попал в зону затопления Бухтарминским водохранилищем и ушел под воду в 1959–1960 годах. А там, где находилось село Токпура, теперь ветер гуляет по пустырю, заросшему густым карагайником. Нет больше на картах тех сел, где родились мои тетушки и дядьки, где родилась моя мама, где прошло их нелегкое детство.

